

Портрет четвертый

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ЕФРЕМОВА

Кто из истинных книжников не знает о Петре Александровиче Ефремове; кто хоть раз не держал в руках том с овальной печатью или зеленоватым ярлыком с надписью "Из книг П.А.Ефремова"; кому из собирателей не приходилось хотя бы слышать о знаменитых ефремовских конволютах, вожделенных и таинственных, имеющих лишь у небольшого числа библиофилов? Имя Ефремова в свое время гремело; благодаря подготовленным им изданиям русской классики (да и второстепенных писателей тоже) его знала вся читающая Россия. Его библиотека по праву считалась национальной сокровищницей, а его собрание иконографического материала могло потягаться с коллекциями первейших богачей, собиравших подобные издания. И советская историческая наука отдавала дань уважения деятельности этого человека. Даже в самые трудные для библиофильства годы, когда оно само причислялось к области барских забав, а эпитет "библиофильский" был чуть ли не бранным (примеров этому в нашей литературе 40—50-х годов можно найти великое множество), имя одного лишь Ефремова не подвергалось хуле и не было предано остракизму.

Так почему же так "повезло" Петру Александровичу? А "выручили" его известные еще предреволюционной исторической науке факты его биографии. В его активе были такие деяния, как издание первого в России Полного собрания сочинений запретного Радищева (издание было уничтожено цензурой), как выпуск в свет также первого в подцензурной печати Собрания стихотворений казенного декабриста Рылеева, как переиздание сатирических журналов Новикова, как редактирование переводов "Книжного вестника" и активное многолетнее участие в еще более передовой "Искре". Уже М.К.Лемке знал от самого Ефремова о его участии в герценовских изданиях и идейной близости с основателем Вольной русской печати.

П.Н.Берков в книге "Русские книголюбы" высказал мысль о том, что Ефремов был "в определенной мере близок по своим общественным и литературным взглядам к Добролюбову"¹, но это представляется нам уже преувеличением. Ефремов был как раз одним из немногих книжников, кто отказывался даже от сотрудничества в "Современнике" из-за насмешек Добролюбова над библиографией и библиофилами. Что же касается литературных взглядов Петра Александровича, то и здесь особого единства с Добролюбовым не прослеживается.

Лишь много лет спустя, когда уже и "Современника" не было, Ефремов познакомился и сблизился с Некрасовым. Вместе с А.М.Унковским, известным общественным деятелем, Ефремов помог умирающему поэту исполнить последнее желание: обвенчаться со своей гражданской женой. С огромным трудом они устроили венчание на дому (что запрещалось православной церковью)².

Представление о характере Ефремова на основании мемуарных источников сложилось несколько однобокое (впрочем, никто ведь и не занимался всерьез изучением жизни и личности этого незаурядного человека).

Петр Александрович часто изображался современниками как человек тяжелый, обидчивый, мнительный, несговорчивый. Но это только следствие его нетерпимости к фальши, неприятия каких бы то ни было компромиссов как в личных отношениях, так и в делах общественных, повышенного чувства чести.

Есть и еще одна в высшей степени привлекательная черта его облика: верность дружбе. Автору этого очерка доводилось читать неопубликованную переписку его с другом молодости Е.И.Якушкиным, вместе с которым он дебютировал когда-то на страницах "Библиографических записок". Эта переписка длилась почти полвека: с конца 50-х годов до смерти одного из них уже в начале XX века³. Это — не только поразительный человеческий документ, но и богатейшая россыпь сведений о жизни прогрессивной русской интеллигенции второй половины XIX века. К сожалению, она остается под спудом; опубликованы из нее лишь незначительные фрагменты. Вот из этой-то переписки мы можем узнать настоящего Ефремова, узнать его таким, каким он был с друзьями и единомышленниками, любившими и высоко ценившими его.

Нам хочется рассказать читателям еще об одном свойстве непростого характера Ефремова: несмотря на всю свою "ершистость", он был большой весельчак, остроумец, эпиграмматист, пародист (образцы его

юмора читатель найдет в этой книге). Он много выступал на страницах "Искры", соперничая с таким знаменитым юмористом и сатириком, как Курочкин. Он издал даже целую книгу (совместно с другим книжником, М.Д.Хмыровым), посвященную библиографическим пародиям; наконец, в его частных письмах к людям, которым он доверял (Якушкину, Гаевскому, Пыпину), рассыпаны блестящие юмора, порою довольно ядовитого и очень меткого. Репутация остролова настолько была привной для Ефремова, что он в одном из писем к Е.И.Якушкину, как необычный факт, сообщает, что настолько упал духом, что даже перестал шутить.

"Остру мало, — пишет он, — но до того гнусно, что каждый раз выводят в другую комнату, а однажды терпение слушателей истощилось и меня хотели было даже прибить". Ефремов был несдержанным на язык, но ведь часто злоязычные люди вовсе не злы. Сам он пишет о себе: "В письмах я себя сдерживаю и слога своего гнусными словами не уснащаю, как это порою случается в разговорах. Человек от двух я был в опасности быть прибитым. Вот мои горести и напасти. <...> Конечно, те люди, с которыми я расхожусь, принадлежат именно к "дворецким" или к лакеям перед властью"⁴.

Петр Александрович был, в сущности, добрым человеком. Вот характерный факт: он пошел служить в сберегательную кассу (человек он был небогатый и жил только жалованьем) и основательно реорганизовал это дело по всей империи — с одной заветной целью: приучить бедняка нести свою копейку не в кабак, а в сберегательную кассу⁵!

О том, какова была работоспособность Ефремова, и говорить не приходится: об этом свидетельствуют сотни его трудов. Утром он шел на службу; приходя домой в пять часов пополудни, ложился часика на два соснуть, затем вставал и работал до трех-четырех часов утра. Зато и "наработал" же он за свою долгую жизнь! Он был редактором, публикатором и комментатором сочинений многих русских писателей; он был руководителем журнала "Книжный вестник"; он был неизменным участником всех предприятий, затеваемых в пользу неимущих и голодающих; он был деятельным членом литературного фонда и Академии наук... Всего и не перечислишь!

Деятельность Петра Александровича была столь разнообразной (даже для его времени, когда многообразие занятий было достаточно обычным делом), что в различных справочных и энциклопедических изданиях, которые уделяют ему внимание, его называют по-разному: то библиографом, то издателем, то литературоведом. Вот, например, в не так давно вышедшей энциклопедии "Книговедение" мы читаем: "Русский библиограф, библиофил, чл.-кор. Петерб. академии наук"⁶. И это все. Ни слова не сказано о его поистине гигантской многолетней работе — редактировании и подготовке к изданию собраний сочинений русских писателей — от Радищева до Пушкина.

Но когда во всевозможных изданиях популярного характера он именуется издателем и историком литературы, это тоже не вполне верно. Сам Ефремов издательскими делами не занимался: его дело было редакторское, издавали же подготовленные им сочинения другие — издатели-профессионалы.

Очень плодотворной была работа Ефремова в известной старой русской фирме Глазуновых, которые в благодарность за его деятельность во славу фирмы дали ему возможность осуществить ряд чисто библиофильских изданий. Так, были переизданы ставшие библиографической редкостью журналы Н.И.Новикова, из-за которых была целая баталия с цензурой (и сто лет спустя Новиков казался нашим аргусам опасным!). Эти переиздания и ныне являются источником, ибо первых почти не осталось. Выпустил Ефремов и крошечную книжечку (сто экземпляров), в которой воспроизводилось стихотворение поэта осмнадцатого столетия Василия Петрова "Приключение Густава, короля шведского". Понятно, что эти издания выпускались исключительно для своего брата-библиофила, о чем, кстати, говорит и сам Ефремов в предисловии к "Приключению". Когда Ефремов покинул Глазуновых, прекратились и эти издания. Сам он издавать не имел возможности.

В.Г.Лидин в своей маленькой новелле "Из книг Ефремова" пишет, что Петр Александрович переиздавал эти старинные книги "за свой счет, несомненно, всегда в убыток: 10 или даже 100 экземпляров не могли, конечно, оправдать его расходов"⁷. Но было несколько иначе. Конечно, инициатором этих переизданий был Ефремов, но издавались они не на его счет: человек весьма среднего достатка, живший только на свои невеликие заработки, он из своего бюджета мог выделить средства только на покупку книг. Издания же эти ему как бы преподнесли в подарок Глазуновы за оказанную им большую услугу. Дело было так. В это время, в шестидесятые годы, молодой и агрессивный русский капитализм проник и на книжный рынок, создав там конкурентную борьбу между фирмами и выдвинув деятелей нового типа, таких, например, как соперник Глазуновых А.Ф.Базунов, в конце концов разорившийся.

В этих условиях особенно важными становились издававшиеся в России каталоги книготорговых фирм. Напомним читателю, что в то время издатель и торговец были, как правило, одно лицо. Решил издать такой каталог и глава петербургских Глазуновых — Иван Ильич. Это был не просто торговец — это был человек культурный, великолепно знавший русскую книгу и потребности отечественного читателя. Он решил блеснуть таким каталогом, какого еще не бывало, и обратился к Ефремову, с которым уже давно сотрудничал как с редактором, с предложением составить такой каталог.

Петр Александрович не имел ни времени, ни желания проводить все свои свободные часы на складах фирмы, перебирая десятки тысяч книг. Но он предложил Глазунову дерзкий план, на который тот тут же согласился, поняв, как это поднимет престиж фирмы. Петр Александрович уже много лет составлял библиографию всей русской книжной продукции со времен падения николаевского режима. В таком указателе нуждался как он сам, так и собратья-литераторы. К 1866 году был уже собран материал за целое десятилетие, причем сами хронологические рамки оказались исторически оправданными: от конца николаевщины до принятия нового закона о цензуре (1865). Вот этот-то указатель, созданный с научно-библиографическими целями, Ефремов и предложил Глазунову издать в виде каталога его книжного магазина. Так и было сделано, и в 1867 году вышла в свет "Систематическая роспись книгам,

продающимся в книжном магазине Ивана Ильича Глазунова”⁸. Это был увесистый том в 498 страниц, причем однотипное издание было выпущено и в Москве, уже под эгидой Александра Ильича Глазунова. Естественно, что ни тот, ни другой не имели в своих, очень богатых, магазинах всех без исключения книг, сведения о которых были собраны Ефремовым, но кто тогда об этом знал? Лишь самые близкие из коллег-библиографов знали от Ефремова, что он отдал Глазунову эту работу, так как для ее издания у него не было средств⁹.

Для русской культуры появление этого каталога было просто праздником: изданный с рекламными целями, он объективно выполнил функции книжного репертуара, которого так недоставало в те годы. Заметим, кстати, что и ныне он не снят с полок справочных отделов крупных библиотек. Затем Ефремов составил для Глазуновых еще два ”Прибавления”, последнее из которых датируется 1874 годом, а далее его у Глазуновых сменил библиограф В.И.Межов, ранее подвизавшийся у Баунова.

Что там произошло, чем был задет нетерпимый и не терпящий обид Ефремов, мы не знаем, но только он от Глазуновых ушел, и тогда перестали выходить в свет и его библиофильские малотиражные издания. Ясно, что они не финансировались Ефремовым, а были чем-то вроде подарка от Глазунова. Для такой богатейшей фирмы это были сущие пустяки.

Среди переизданий выделяются новиковские журналы ”Живописец” (Спб., 1864) и ”Трутень” (Спб., 1865), а также ”Материалы для истории русской литературы” (Спб., 1867), в которых, наряду с другими документами, был переиздан новиковский же ”Опыт исторического словаря о российских писателях”. Эти издания, таким образом, преследовали две цели – библиофильские и идейные, что было одним из звеньев развернувшегося в 60-е годы похода ”за Новикова”. Переиздать новиковские журналы оказалось не так-то просто. Цензор Ф.Ф.Веселаго (с которым в эти же годы имел столкновение и Некрасов) так отозвался о ”Живописце”: ”...не удовлетворяет существующим ныне цензурным требованиям по следующим предметам: 1) отзывается грубо и резко о недостойных дворянах и строго осуждает жестокое обращение их с крестьянами, 2) содержит неприличные, иногда кощунственные отзвывы о предметах религиозных и служителях церкви, 3) не совсем уместные выражения о придворной службе, 4) жесткие указания на недостатки военных мест”¹⁰.

В этом бюрократическом сочинении самое ”лучшее” место – запрет говорить о действиях ”недостойных дворян”. Очевидно, именно бросающаяся в глаза нелепость этого запрета помогла Ефремову через посредство более высоких цензурных инстанций добиться-таки разрешения на выпуск в свет ”Живописца”, а затем и ”Трутня”. Оба эти переиздания теперь уже в свою очередь стали библиографической редкостью, хотя, конечно, не такой, как первоиздания. Даже у Ефремова не было одного из них, и он обратился с просьбой к Г.Н.Геннади одолжить его, что тот и исполнил¹¹.

На страницах ”Русской старины” Ефремов опубликовал еще две библиографические редкости. В третьем томе за 1871 год он перепе-

чал трагедию Княжина "Вадим Новгородский", вырезанную цензурой из 39-го тома "Российского Феатра". Осталось лишь несколько (буквально считанное число) экземпляров полных, с текстом этой трагедии, показавшейся крамольной Екатерине II. Таким раритетом владел, кроме Ефремова, еще только Н.П.Дуров. Перепечатке предпослана заметка Ефремова о судьбе этого издания. В следующей, четвертой книжке "Русской старины" за тот же год Ефремов перепечатал радищевское "Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске" — редкое (но не столь редчайшее, как предыдущее) издание, являющееся первой "пробой пера" радищевской домашней типографии. Перепечатка также была осуществлена Ефремовым со своего экземпляра.

Диапазон деятельности Петра Александровича Ефремова как редактора и комментатора чрезвычайно широк. Вот только основные подготовленные им собрания сочинений: Радищева, Фонвизина, Кантемира, Лукина и Ельчанинова, Майкова (В.И.), Полежаева, Рылеева, Лермонтова, Пушкина (несколько изданий). Ефремов в еще большей степени, чем другие его коллеги, способствовал созданию нового типа издания — тщательно прокомментированного, снабженного массой примечаний библиофильского характера, обязательно сопровождавшегося прикнижной библиографией¹². Эти драгоценные свойства делают издания Ефремова желанным объектом специального коллекционирования.

Как правило, работа над собраниями сочинений различных авторов, как корифеев, так и второстепенных, предварялась целой серией журнальных публикаций. Так, готовясь стать редактором первого в России собрания стихотворений К.Ф.Рылеева, Ефремов выступил с рядом важнейших публикаций, имевших самостоятельную научную ценность: это были не только многие неизвестные ранее стихотворения казенного поэта, но и материалы для его биографии, в основном — его переписка. Почти все они имелись в виде автографов либо у самого Ефремова, либо у Якушкина, который охотно ими делился¹³. Весь свой рылеевский архив Петр Александрович завещал сыну своего друга — Вячеславу Евгеньевичу Якушкину, а тот впоследствии подарил это драгоценное собрание Библиотеке Академии наук¹⁴. Автору этого очерка хочется рассказать читателям малоизвестный эпизод из жизни Ефремова, наглядно показывающий, как дорог был ему Рылеев. В 1861 году на страницах "Русского слова" были опубликованы две элегии Рылеева, причем из цензурных соображений имя автора было сокращено (Кондр. Р-в). Какой-то из искровских юмористов, не разобравшись, о ком идет речь, опубликовал в своем журнале пародию на одно из этих стихотворений — "Исполнились мои желанья". Ефремов просто вышел из себя; оно и понятно: ведь он в одном из писем к Якушкину в запальчивости заявил, что не отдаст томик Рылеева за все шесть томов Пушкина. Каково же ему было увидеть в печати издевательскую пародию на обожаемого поэта! И хотя он сам сотрудничал в "Искре" (правда, несколько позднее) и был близко знаком с ее издателем, этого он обойти молчанием не мог. "Считаю нужным заметить для сведения "Искры", — писал он в "Отечественных записках", — что ее глумления бесполезны и что она только бесплодно потратила время на "сочинение пародии", ибо обе напечатанные в "Р<усском> слове" элегии написаны *поэтом двадцатых годов, уже*

давно умершим, которого в свое время брались исправлять другие люди и другими более энергичными средствами, чем пародия"¹⁵. Большого в подцензурном журнале сказать было нельзя, но и этого было вполне достаточно. Читатель того времени был приучен к "эзоповскому языку". Добавим к этому, что издание стихотворений Рылеева было сделано Ефремовым в пользу дочери казенного поэта Настасьи Кондратьевны — совершенно безвозмездно.

Громадное количество публикаций предшествовало и изданию Собрания сочинений Пушкина. Тут тоже много помог архив Е.И.Якушкина и других библиографов-пушкинистов того времени. Благородная традиция взаимопомощи была свойственна всем книжникам той поры. Под редакцией Ефремова вышли не только собрания сочинений великого поэта, но и отдельные издания, хорошо известные книголюбам: "Евгений Онегин", "Бахчисарайский фонтан" и др. Ему принадлежит сыгравший немалую роль в отечественном пушкиноведении обзор "Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях", опубликованный уже на закате жизни, как итог многолетней работы над пушкинскими текстами ("Новое время", 1903).

Каждому книголюбу известна трагическая история с изданием Радищева, сожженным по решению высших цензурных инстанций. Известно также, что Ефремову чудом удалось спасти 15 экземпляров, которые он почти полностью раздал друзьям, оставив себе лишь два или три. В последнее столетие этот уникальный двухтомник нет-нет да и появлялся на книжном рынке. Но, естественно, это большой раритет¹⁶.

Рассказ о редакторской деятельности Ефремова будет неполон, если не упомянуть о его работе на посту редактора "Книжного вестника". Это был журнал, высоко ценимый книжниками того времени — библиографами, библиофилами, издателями, книгопродавцами. На его страницах можно было найти как полную текущую библиографию, дающую панораму книжного дела в стране, так и рецензии на наиболее значительные произведения. Когда это издание попало в руки Ефремова, то, как выразился другой известный книжник В.П.Гаевский — журнал "сильно похорошел". Действительно, Ефремов, сумевший привлечь к участию в журнале почти всех бывших товарищей по "Библиографическим запискам", значительно улучшил его и придал, как считают советские исследователи, более прогрессивный характер¹⁷.

Можно ли назвать П.А.Ефремова литературоведом? П.Н.Берков пишет: "П.А.Ефремов много печатался, но почти все его книги и статьи посвящены истории русской литературы, истории общественной мысли и истории книги, и среди них нет произведений, которые можно было бы отнести к разделу литературы специально библиофильской"¹⁸. Читатель этой книги может убедиться, что Ефремов был как раз весьма плодовитым библиофильским автором, а вот статей (и уж особенно книг) историко-литературной тематики мы, строго говоря, у Петра Александровича не найдем. Он всю жизнь избегал каких бы то ни было обобщений; даже предисловия к подготовленным и прокомментированным им изданиям писателей России он поручал писать другим лицам: Пыпину, Пятковскому. Мы не знаем ни одного случая, когда Ефремов выступил

бы с предисловием (кроме введений книговедческого характера). "Титла сочинителя не искал и не ищу, — писал он Якушкину, — а, говоря словами Новикова, хотел *хоть изданием чужих сочинений принести хоть кому-нибудь пользу*"¹⁹.

С его колоссальной эрудицией, с бесподобным знанием отечественной книги он мог бы свободно строить любые концепции, а с его склонностью к острой полемике мог бы выступать и как литературный критик. Но он не делал ни того, ни другого. В чем же дело, откуда такое самоограничение? Дело в том, что Ефремов принадлежал к школе исследователей истории русской литературы, которая в те годы получила название фактической, или библиографической. Эта школа ставила во главу угла добывание новых фактов истории литературы, книги, культуры. Она создала тот фундамент, на котором выросло все последующее русское литературоведение. Главной заботой этой школы было создание полных и исправных собраний сочинений отечественных авторов, т.е. собирание всего, что вышло из-под пера данного писателя. Это вовсе не значит, что адепты этой школы были какими-то бездумными регистраторами, гробокопателями, собирателями мелочей. Пример того же Ефремова и его соратников по "Библиографическим запискам" полностью опровергает это.

Как и многие его собратья по библиофильству, Ефремов собирал запрещенные стихотворения и составлял из них сборники. Один такой сборник был куплен при распродаже библиотеки Ефремова И.А.Шляпкиным и сохранился в его архиве (ЦГАЛИ). Это — богатейшее собрание бесцензурной поэзии. Ему была посвящена даже специальная статья, к которой и отсылаем читателя²⁰.

Но прежде всего Ефремов прославился как создатель изумительной библиотеки. Сознаемся сразу: мы не можем назвать число имеющихся у него книг. Этого не знает никто. Только в одном из поздних неопубликованных писем к А.Н.Пыпину (1902) он пишет, что библиотека его (без иконографических материалов) весит 953 пуда (т.е. более 15 тонн)²¹. Он сам об этом узнал, когда переезжал в последний раз из Москвы в Петербург. Сколько же это могло быть томов? Пусть подсчитает сам читатель. В Пушкинском доме, который мог по недостатку средств приобрести лишь часть этой библиотеки, имеется 24 тысячи книг из собрания Ефремова. И мы даже не знаем, какую часть его гигантской коллекции это составляет!

П.А.Ефремов родился в семье книголюбца. Отец его, самоучка, "маиор и кавалер", происходивший из "солдатских детей", был большим книгоцеем и собрал неплохую библиотеку. Петр начал собирать книги с семилетнего возраста. Очевидно, это занятие поощрялось отцом. Мальчик учился в Первой московской гимназии, а затем — на физико-математическом отделении Московского университета, которое окончил блестяще. Семья жила, очевидно, безбедно: был свой дом с садом (на Остоженке, по Савеловскому переулку), были и средства на приобретение книг. У старшего Ефремова имелось около 10 тысяч книг. Но когда Петр Александрович уехал служить в Петербург, а старик отец умер, — книги были вынесены из дома, сложены в сарай и постепенно расхищены.

Еще живя в Москве, П.А.Ефремов познакомился и близко сошелся с кружком молодых библиофилов, группировавшихся вокруг сына декабриста Евгения Ивановича Якушкина. Это была прекрасная молодежь, общение с которой имело решающее значение для становления гражданской позиции Ефремова (он был несколько моложе всех их, за исключением Касаткина). Переезд в Петербург не оборвал этих связей: завязалась переписка, длившаяся до смерти его корреспондентов (Ефремов пережил всех); кроме того, Петр Александрович частенько наведывался в Москву.

Библиофильские интересы Ефремова сформировались тоже в этой среде, где прежде всего ценилась и собиралась отечественная книга. Вначале, живя в Петербурге, Ефремов продолжал чувствовать себя московским библиофилом. Но постепенно у него образовались связи с миром столичных книгособрателей. В 70-е годы он вошел в кружок петербургских библиофилов, носивший название "дуровских сред", в который входили такие выдающиеся знатоки книги и собиратели, как Г.Н.Геннади, Я.Ф.Березин-Ширяев, М.Н.Лонгинов, Н.П.Дуров, Д.А.Ровинский, М.И.Семевский и др. Члены этого кружка раз в неделю собирались у Дурова, в его большой казенной квартире, а иногда, по понедельникам, еще и у самого Ефремова. Здесь происходили сообщения о новых находках и открытиях, велись горячие споры, в общем, кипела библиофильская жизнь. Ефремов, впрочем, не прекращал регулярной переписки с другом молодых лет Евгением Якушкиным (больше никого в 70-е годы не осталось в живых), но что характерно: в его письмах к другу, также крупному библиофилу, почти нет сообщений о новых книжных приобретениях. Очевидно, общества петербургских библиофилов было вполне достаточно для этой цели. На дуровских средах большое место уделялось шутке, пародии, смеху, тут читались написанные самими библиофилами или присланные им веселые истории. Здесь Ефремов впервые прочел своего "Старца Пафнутия" — пародию на псевдо-исторические драмы — и имел большой успех. Эта вещь переиздана недавно в сборнике "Русская театральная пародия" (1976). Чтобы читатель оценил всю прелесть злого юмора Ефремова, приведем здесь подзаголовок этой пародии: "Трагедия в пяти действиях с ассамблеею и танцами, с пытками, казнями, военными эволюциями, большим сражением, конным ристанием, падением стен, пожаром и разрушением целой области". Такое впроу "самому" Козьме Пруткову!

У этих людей была незыблема традиция взаимовыручки, обмена, дарения книг и рукописей. Множество примеров тому можно найти в их переписке. Ефремов не составлял исключения. Он давал редчайшие издания в пользование Ровинскому, Неустроеву, Пыпину, Геннади, Венгеру (это то, что попало нам в его переписке, а ведь это — случайные сведения, в самом деле этот список "абонентов" можно, конечно, продолжить). А уж какие царские подарки получали от Ефремова общественные библиотеки! Так, он подарил Публичной библиотеке главное свое сокровище — "Звездочку". Библиофилам, собирающим русскую книгу XIX столетия, хорошо известны альманахи Бестужева и Рыльева "Полярная звезда". Томик альманаха, стоивший первоначально 10 рублей, уже в 30-е годы XIX века нельзя было достать и за 100 руб-

лей. Последний же, четвертый выпуск, который его издателями был назван "Звездочкой", вообще достать было нельзя, ибо он и в свет не вышел, уничтоженный после восстания декабристов. Перемена названия альманаха была вызвана его сильно уменьшившимся объемом, — время для его издателей было тревожное и напряженное. Эта "Звездочка" должна была выйти в свет к новому, 1826 году... Альманах печатался в типографии Главного штаба, и к 14 декабря уже было отпечатано 5 листов (80 стр.). Затем эти листы были конфискованы, сложены в тюки и 36 лет пролежали в кладовых, после чего были сожжены. Уцелело только два экземпляра: один неполный, очевидно, взятый кем-то из знакомых Рыльева у него еще до восстания, и второй — более полный, который за два дня до сожжения альманаха сумел добыть П.А.Ефремов. Этот экземпляр "Звездочки" он и подарил Публичной библиотеке! С этого же экземпляра было сделано в 1981 году факсимильное переиздание, сопровождающееся статьей Я.Л.Левкович, к которой и отсылаем нашего читателя. Там же можно увидеть факсимильное воспроизведение дарственной надписи П.А.Ефремова.

Библиотека и иконографическое собрание П.А.Ефремова были им предоставлены в распоряжение устроителей замечательных выставок, сыгравших заметную роль в развитии отечественной культуры: двух пушкинских (1880 и 1889 гг.), в память Жуковского (в 1883 г.), в память Белинского (в 1898 г.), в память Гоголя и Жуковского (в 1902 г.)²².

Приведем мнение о библиотеке П.А.Ефремова такого авторитетного лица, как Н.М.Лисовский: "он никогда не был библиофилом в общепринятом значении, не собирал книг только ради их редкости. <...> Он был крайне разборчив. Книги интересовали его главным образом настолько, насколько они имели значение литературное или научное. Постепенно увеличивая свое книжное богатство в этом направлении, П.А.Ефремов сделался обладателем замечательной по составу библиотеки <...>, заключающей в себе, между прочим, как отдельные, так и все полные (сколько бы их ни выходило) собрания сочинений почти всех русских писателей, всю драматическую русскую литературу XVIII века, массу журналов прошедшего и нынешнего столетия (в том числе все сатирические журналы екатерининского времени), почти полное собрание русских альманахов и обширный материал для биографии русских писателей. Кроме того, сверх имеющихся у него полных коллекций журналов, П.А.Ефремов приобретал вторые их экземпляры и из этих двойников и из вырезок газетных статей составлял целые переплетенные томы биографических и критических статей о каждом из выдающихся русских деятелей, и особенно писателей"²³.

Это написано и опубликовано в 1901 году, т.е. еще при жизни нашего героя. Такую же мысль затем повторили все писавшие об Ефремове: он не ценил редкостей, смеялся над теми, кто их собирал, признавал только книги как инструмент для научной работы и, таким образом, "не был библиофилом в общепринятом значении этого слова".

Родилась также легенда, согласно которой было два типа собирателей: ефремовского и геннадиевского толка. Это совершенно не соответствует действительности. Достаточно прочитать письма Ефремова к Геннади (Пушкинский дом, коллекция Яковлева), чтобы увидеть,

как высоко ценил Ефремов своего собрата по библиофильству и его библиотеку. И сам Ефремов, как почти любой собиратель, отдал дань увлечению редкой и старинной книгой и, как мы уже говорили, даже переиздал некоторые из них на радость коллекционерам.

Вот предисловие Ефремова к изданному в количестве ста экземпляров (30 страниц маленького формата) сатирическому стихотворению забытого поэта XVIII столетия Василия Петрова "Приключения Густава III, короля шведского". Вот что пишет Ефремов: "Я намерен время от времени печатать те из произведений (в стихах и прозе) наших писателей XVIII столетия, которые или вовсе не были напечатаны или составляют особенную библиографическую редкость, но при этом *не имеют важного значения для исследователя* русской литературы, а более интересны для библиографа (т.е. библиофила. — Л.Р.) и составляют предмет его исканий"²⁴. Какая уж тут научная цель, — это типично узкобиблиофильское заявление и деяние. Так что повторяющиеся из работы в работу клятвенные заверения об особом, "небиблиофильском" отношении Ефремова к собирательству есть только дань традиции, сама же традиция родилась из стремления приподнять Ефремова, как человека прогрессивных взглядов, над библиофильством своей эпохи, которое долгое время не ценилось по достоинству.

Петр Александрович был истинный библиофил, в самом точном и высоком значении этого слова. Может быть, единственное, что выделяло его собрание, это были упоминавшиеся Лисовским конволюты. Причем Ефремов создавал их отнюдь не только из журнальных и газетных вырезок. Иногда основой конволюта мог быть том сочинений писателя, в который были вшпелены (а порою и вписаны рукою Ефремова) дополнения, исправления, иконографический материал и т.п. Для своих конволютов он заказывал печатные обложки, так что часто вводил в заблуждение как современников, так и позднейших исследователей и собирателей, принимавших их за неизвестные издания. Автор биографического очерка об Ефремове В.Я. Адарюков пишет, что Ефремов "не придавал особенно большого значения сохранности экземпляра, и потому его собрание не блистало чистотой, цельностью его листов, хотя было чрезвычайно богато и разнообразно по содержанию"²⁵. Адарюков пишет, что только по Пушкину у Ефремова было 20 объемистых конволютов. Где они теперь?

Особенностью библиотеки Ефремова (так же, как собрания Лонгина) было наличие справочного аппарата, присоединяемого к книгам и периодическим изданиям. Так, в библиотеке советского исследователя русской литературы В.А. Десницкого (собрание его ныне в Библиотеке Академии наук СССР) имеется экземпляр курочкинской "Искры" за все годы с многочисленными пометами Ефремова. Главная ценность их — раскрытие анонимов и псевдонимов, которое в ряде случаев без помощи Ефремова было бы просто невозможным²⁶.

Хорошо знавший Ефремова московский книжник С.П. Виноградов так описывает его библиотеку: "Еще в полутемной передней стены покрыты полками с книгами, а свободные промежутки увешаны гравюрами и лубочными картинками. Из передней дверь вела в обширную светлую комнату, две стены которой были также заняты деревянными открытыми книжными полками; справа от входа были собраны роскош-

ные издания большого формата, левая же сторона занята до половины книгами обыкновенного формата; слева же между окнами стоял небольшой красного дерева шкаф с стеклянными дверцами, наполненный книгами исключительной ценности и изъятymi из обращения. Середину комнаты занимал очень длинный из простого дерева стол, покрытый темным коленкором и весь заваленный большими папками с гравюрами и литографиями; на полу под столом также наложены папки меньшего размера. Свободные от книжных полок стены и протески окон увешаны гравюрами и фотографиями, преимущественно портретами русских писателей. Тут немало было и других вещей, интересных в историческом и художественном отношении: гипсовая маска Пушкина, его же статуэтка работы Терещенева, большой масляный портрет Н.И.Новикова, портрет Белинского <...>, Герцена и Грановского (литографии Горбунова) и много других <...>. В глубине комнаты, между окнами на улице, стоял большой письменный стол, над которым также навешаны фотографические и другие портреты <...>. Стол весь завален книгами, и за ним, всегда с какой-нибудь книгой в руках, сидел хозяин дома, Петр Александрович Ефремов. <...> В отделе иллюстрированных изданий библиотека Ефремова заключала множество самых удивительных редкостей <...> Собрание гравированных и литографированных листов распалось на несколько отделов: портреты, виды, карикатуры, лубочные картины и сюжетные листы <...> Собрание литографий, принадлежавшее Ефремову, было так велико и богато редкостями, что не скоро можно составить ему подобное, и очень жаль, что оно рассеялось по частям при распродаже листового ефремовского собрания в 1904 году²⁷. При вторичном переезде из Москвы в Петербург, не имея возможности внести в квартиру свою библиотеку и собрание листов, Петр Александрович был вынужден продать последние антиквару Фельтену. С горя он хотел продать и всю библиотеку (неопубликованное письмо Ефремова к Пыпину с изложением этой истории читатель найдет в нашем сборнике). К счастью, книг своих Петр Александрович все-таки не продал. Но уж близок был конец жизни... Детей, которым можно было оставить библиотеку, у Ефремова не было. Его вдова предложила все это громадное, бесценное собрание Пушкинскому дому за весьма умеренную сумму. Но у Пушкинского дома не было денег; все хлопоты были безрезультатны. Не оказалось средств для приобретения коллекции, которая стала бы украшением любого научного учреждения! И тогда А.О.Ефремова предложила все уже знакомому ей Фельтену, который, конечно, ухватился за это предложение и нажил на этом немалые деньги. По некоторым источникам, проверить которые трудно, библиотека в момент покупки ее Фельтеном насчитывала 32 тысячи названий (а томов, естественно, гораздо больше). Он уплатил за все 26 тысяч рублей. Уже после этого Пушкинский дом получил какую-то сумму и выкупил у Фельтена часть библиотеки Ефремова, причем по цене гораздо более высокой, чем та, которую запросила вдова библиофила. Сколько же все-таки книг было у Ефремова?

В докладе известного петербургского библиографа и библиофила Рогожина "О сохранении от гибели наших частных библиотек" сказано, что "лишь незначительная часть библиотеки П.А.Ефремова была приоб-

ретен для Пушкинского дома, а большая часть была за очень дешевую цену распродана покупщиком разным букинистам и от них разбрелась по рукам частных лиц; таким образом, громадный труд покойного П.А.Ефремова, в продолжение пятидесяти лет неустанно собиравшего свою библиотеку с редким знанием и любовью, пропал совершенно даром»²⁸.

Несколько иные сведения приводит весьма хорошо информированный Ф.Г.Шилов. Описывая библиотеку Д.П.Бурьлина, находившуюся в Иваново-Вознесенске и после революции перешедшую к городу, он пишет, что "к Бурьлину поступила большая часть в количественном отношении библиотеки П.А.Ефремова, которую он приобрел у антиквара Фельтена"²⁹. Таким образом, оба знатока сходятся на том, что Пушкинский дом приобрел лишь меньшую часть коллекции Ефремова, а приобрел он ни много, ни мало — 24 тысячи томов; какова же была вся библиотека!

Что же было им куплено? Во-первых, — рукописи (но не все). Затем коллекция альманахов XIX века, многие из которых были библиографической редкостью. Были куплены журналы первой половины XIX века, собрания сочинений русских писателей, сочинения по библиографии и истории русской литературы. Естественно, что были приобретены и прижизненные издания произведений русских писателей. Вот это и составило "часть" в 24 тысячи томов. Очень жаль, что Пушкинский дом вовсе не приобрел ефремовских конволютов. То ли уже денег не хватило, то ли не разобрались в необычайной ценности этих «изданий».

П.А.Ефремов. ИЗБРАННОЕ

ОБ ИЗДАНИЯХ "ЖИВОПИСЦА"

Живописец издавался в лучшую пору деятельности Новикова.

Выступив на литературное поприще в 1769 году с превосходным журналом "Трутень", Новиков целые пять лет не переставал трудиться на пользу общую, подтверждая делом слова свои, что к литературной деятельности его побуждало "не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу отечеству". В эти 5 лет явились лучшие его издания: *Трутень*, *Живописец* (три издания), *Кошелек*, *Древняя Российская Вивлиофика*, *Древняя Российская Идрография и История заточения боярина Матвеева*.

Последующий затем период литературной деятельности Новикова, начавшийся еще в Петербурге изданием "Утреннего света" (1777), отличается каким-то туманным религиозно-мистическим направлением, которое, все более и более развиваясь, проходит через все его московские журналы, наконец переходит в чистый мистицизм и завершается изданием целого ряда так называемых "масонских" книг.

Конечно, и в Москве Новиков сделал очень много хорошего, так что общественная его деятельность достойна великого уважения, но тем не менее московские его журналы сильно отстали от прежних петербургских: тут уж не было тех "блюдов", которые для "нежных вкусов" могли показаться "горьковатыми", как в прежнее время замечал сам

Новиков. Это подтверждается и тем, что московские его журналы беспрепятственно выходили в 3, 4 и даже в 9 частях довольно почтенного объема, тогда как *Трутень* и *Живописец* не могли просуществовать более года и уместились в четыре маленькие книжки. Кроме того, не надо упускать из вида, что вторая половина каждого из этих двух журналов нисколько не похожа на первую. Прямой, энергичский протест против злоупотреблений, открытое и смелое нападение на все пошлое, низкое и безнравственное, борьба с невежеством и предрассудками — вот характеристика первой половины *Трутня* и *Живописца*, не говоря уже о том, что здесь всюду светится благородное чувство честного патриотизма, едкая сатира и глубокая ирония. Во второй половине этих изданий все стирается, мельчает, переходит в плохие стишки и отвлеченные рассуждения, в легонькую насмешку исподтишка, с беспрестанными недомолвками, в крайнюю бесцельность и пустоту содержания и заканчивается прекращением журнала.

Трутень явился в начале мая 1769 года и вскоре занял первое место между множеством издававшихся тогда листков. Похвалы ему сыпались со всех сторон, но после нескольких статей о взяточничестве, вызвавших вовсе не литературную полемику, журнал сделался значительно слабее и на второе полугодие, т.е. в 1770 году, окончательно оплошал. Видя невозможность продолжать издание, Новиков в конце апреля прекратил его и занялся составлением *Опыта исторического словаря о Российских писателях*. В начале 1772 года он его напечатал, так что 30 марта уже было объявлено в № 26 С.-Петербургских Ведомостей о выходе этой книги. Вслед за тем Новиков приступил к изданию *Живописца* и 12 апреля приготовил 1-й лист, который и был выпущен 17 апреля (как можно судить по объявлению о выходе 2 листа 24 апреля) <...>

Перехожу к частному описанию издания.

1. *Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. В Санктпетербурге. 2 части, в 8-ю д<олю> л<иста>*, 419 стр. (из них 208 в первой части).

Журнал выходил еженедельно, по вторникам, начиная с 17 апреля 1772 года до конца июня или до начала июля 1773 года. Каждый номер назывался *листом* и состоял из печатного полулиста; 26 таких *листов* составили часть и имели отдельную нумерацию в каждой части, но счет страниц для обеих частей был общий. Лист продавался по 4 коп. асс<игнациями>, а каждая часть отдельно по 1 рублю.

Некоторые статьи в этом издании были напечатаны с пропусками и недомолвками. Пропуски эти находились преимущественно в 1 части.

2. *Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. Издание второе. В Санктпетербурге, 1773 года. в 8-ю д<олю> л<иста>*, 186 стр.

Успех *Живописца*, по-видимому, был очень велик, потому что еще не была окончена вторая часть, а первая уже печаталась вторым изданием. О выходе ее было опубликовано в № 54 С.-Петербургских Ведомостей 1773 года (5 июля). Некоторые статьи и заметки 1-го издания во второе не вошли. <...> Напротив, в этом издании пополнены все пропуски 1-го издания и сделаны более или менее значительные исправления в статьях <...> Находившиеся в начале каждого листа 1-го издания заголовки: "Живописец, лист такой-то" заменены заголовками: "лист такой-то", и печатанье каждого нового листа начинается тотчас по окон-

чани предыдущего, а не с новой страницы. Нумера над статьями сначала не выставлены и начинаются только с VI в 7 листе.

3. *Живописец, еженедельное сатирическое сочинение. 2 части. Издание третье, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. В Санкт-Петербурге, 1775 года* В 12-ю д<олю> л<иста>, стр. в 1-й части XV, 218 и 3 нен<умерованные> (опеч<атки>); во 2-й части 230 и — нен<умерованные> (опеч<атки>), 4 (огл<авление>):

К этому изданию Новиков приложил следующее предисловие, перепечатанное потом в 4-м и 5-м изданиях без всяких изменений, кроме указаний на цифру издания в тех местах, где о ней говорится.

”К ЧИТАТЕЛЮ.

Благосклонное принятие первым двум изданиям сего труда моего ободрило меня приступить к третьему. Если бы я был самолюбив, то скорой сей расход Живописцу неотменно поставил бы на щет достоинства моего сочинения; но будучи о дарованиях своих весьма умеренного мнения, лучше соглашаюсь верить тому, что сие сочинение попало на вкус мещан наших: ибо у нас только те книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся; люди же, разумы свои знаям французского языка просветившие, полагая книги в число головных украшений, довольствуются всеми головными уборами, привозимыми из Франции: как то пудрою, помадою, книгами и пр. В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: Троянская история, Синопсис, Юности честное зеркало, Совершенное воспитание детей, Азовская история и другие некоторые. Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных. Сожалеть должно о том, что в число сих последних многие весьма хорошие и полезные книги попались, которые весьма были бы достойны занимать место самой душистой пудры, из Франции привозимой.

Впрочем, должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменял, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений, под другими заглавиями. Сие сделал я по примеру французских писателей, которые весьма часто сие употребляют, для лучшего расхода своих сочинений”.

От перемен, о которых сказано в этом предисловии, из журнала или сборника, в котором *сатирическое направление* было *преобладающим*, составилась *чисто сатирический* сборник. Исключению подверглись все статьи, вызванные различными современными событиями, все стихи и все переводы. Взамен этого добавлены сатирические статьи из *Трутня* 1769 года <...> Из *Трутня* 1769 года внесены в 1-ю часть: 1) Рассказ о пропавших у судьи часах; ”ты охотник до ведомостей”, 2) Письма к племяннику, 3) Лечебник, 4) Смеющийся Демокрит, 5) Две отписки крестьянские с копиею помещичьего указа; а во 2-й части добавлено три номера Сатирических ведомостей. Разделение на листы в этом издании уничтожено; статьи, которых продолжение печаталось в нескольких листах, соединены в одну; самый порядок размещения статей изменен; к

изданию приложено 5 стр. *опечаток*, из которых часть впоследствии исправлена в 4-м издании, но оговоренное в них ошибочное обозначение № 5-го и 6-го *Сатирических ведомостей*, вместо 3-го и 4-го перешло без исправления в 4-е и 5-е издания.

4. *Живописец, еженедельное сатирическое сочинение. 2 части. – Издание четвертое, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. В Москве, в Университетской типографии у Н.Новикова, 1781 года. В 8-ю д<олю> л<иста>. Стр. в 1-й части XII и 164, во 2-й части 174 и 4 нен<умерованные> (огл<авление>).*

Это издание перепечатано с предыдущего, с добавлением нескольких строк в статье "Приняв название Живописца". Остальные разночтения с 3-м изданием ограничиваются только переменной слов <..> Опечаток гораздо меньше. Вообще это самое полное и лучшее издание.

5. *Живописец, еженедельное сатирическое сочинение. 2 части. Издание пятое, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное. – В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии наук, 1793 года. В 12-ю д<олю> л<иста>. Стр. в 1-й части 2 нен<умерованные> (оглавл<ение>), VI (припис<ка>), 4 нен<умерованные> (к читателю) и 182, во 2-й части 2 нен<умерованные> (огл<авление>) и 202.*

Издание это нисколько не исправлено против четвертого, с которого перепечатано, напротив того, испещрено опечатками, нередко даже искажающими смысл. Так, напр<имер>, в статье "Автор к самому себе" напечатано "не подвергну себя *порицаюсь* еще заслужить" вм<есто> "не подвергну себя порицанию, но надеюсь еще заслужить"; в статье "Приняв название" напечатано "то есть" вм<есто> "то его"; в X статье "благоволил" вм<есто> "благословил"; в статье XII, ч. 2 "а учителей спросите" вм<есто> "а у читателей" и пр. Кроме того, в 5-м изд. находят пропуски 1-го издания: во 2-й части, в статьях IV, VIII и XIX, а в *Сатирических ведомостях* пропущены бывшие в 3-м и 4-м изданиях заметки из Трутня; в № 1 – "Для наполнения порожних мест", "В некоторое судебное место", "Курс деньгам" и в № 3 – "Из Москвы", "Оттуда же", "Из Кронштата", "Миловидна намерена" и "Отставной канцелярист".

Сопиков сделал ошибочные указания о годах 1, 2 и 5-го изданий Живописца (1770, 1772 и 1792), но справедливо заметил, что 5-е издание хуже двух предыдущих, потому что в нем многое исключено. Напротив, г. Булич в своей книге о Сумарокове называет это издание совершенно сходным с 3-м и 4-м, а отзыв о нем Сопикова ошибочным. Кроме этого г. Булич делает еще исправления мнимых ошибок Сопикова и переделывает его правильные указания на неправильные, несправедливо удостоверяя, что 2-го издания вышло 2 части и что 4-е напечатано в 12-ю д<олю> л<иста>. Он ошибается также говоря и о 6-м издании, будто оно издано in 8°.

6. *Живописец, еженедельное вновь исправленное издание, на 1772 год. Москва, в вольной типографии Пономарева, 1829 года. В 12-ю д<олю> л<иста>, 166 стр.*

Это издание не что иное, как жалкая спекуляция. В нем нет и половины Живописца: все лучшее откинута, да и перепечатанное вышло с пропусками и искажениями, с произвольными урезками и добавками и с исправлением устаревшего слога; иные статьи снабжены затейливо

придуманнми заглавиями, например, *Полезны ли науки* (т.е. "Приняв название" и пр.), некоторые имена заменены новыми, напр<имер> вместо Худовоспитанника является Рубакин (та же статья), вместо "пастушеских стихотворений" издатель ставит "идиллии" и т.п. "Приписание" переделано так: "Неизвестному г. сочинителю комедии *под названием О время, усерднейшее посвящение*". IV издание печатано с 1-го, но всего перепечатано сряду 14 листов 1-й части, потом напечатана "Песня" из 23-го листа 2-й части, потом из 22-го листа 1-й части ст<атьи> X и XI, наконец, VIII сатира Буало из 6-го и 7-го листов 2-й части. Разделение на листы уничтожено. Вариантов этого издания я не привожу, так как они не принадлежат Новикову <...>

Из статей и книг, в которых говорится о Живописце, достаточно указать следующие: 1) Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории литературы прошлого века. Соч. А.Афанасьева. М., 1859 <...> 2) Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности (1769—1775) — две статьи Д.Мордovцова в "Русском слове" 1860 г., № 2 и 3, 3) Сумароков и современная ему критика. Соч. Н.Булича. Спб., 1854 и 4) История русской словесности древней и новой. Соч. А.Галахова. Спб., 1863.

Седьмое издание Живописца напечатано с первого слово в слово, но только с добавкою тех пропусков, которые были связаны в первом издании и потом пополнены в следующих четырех. Эти добавки оговорены мною в примечаниях. Пропусков против прежних изданий в VII — нет ни одного, встречающиеся же в нем ряды точек обозначают места, пропущенные во всех без исключения изданиях Живописца. Большая часть листов 1-го издания напечатаны в VII на 6 страницах, иные на 8, а некоторые на 5, оттого что в 1-м издании шрифт неодинаков и многие листы напечатаны очень мелко, тогда как другие печатались шрифтом разгонистым и с большими пробелами между статьями.

Статьи, внесенные в 3-е издание *Живописца* из *Трутня*, я не перепечатал, потому что предполагаю в непродолжительном времени сделать новое издание "Трутня".

ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ,
ТРАГЕДИЯ В СТИХАХ, В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ
СОЧИНЕНИЕ Я.Б.КНЯЖНИНА

(Перепечатка редкого издания. Предисловие)

Трагедия "Вадим" имеет теперь исключительно библиографическое значение, но в свое время она наделала много шума и даже удостоилась преследования. Впрочем, причина преследования была чисто внешняя: трагедия явилась в печати в 1793 году, т.е. в самый разгар французской революции, когда в России говорилось и писалось, что "Мирабоа не единой, но многие висельницы достоин", когда в невинных вещах видели какие-то "выласки" и "французский яд" или "предложении уничтожающие законы и совершенно те, от которой Франция вверх дном поставлена", когда "было говорено о книге Путешествие от Петербурга до Москвы: тут рассеяние французской заразы: отращение от начальства, автор

мартинист... он бунтовщик хуже Пугачева... хвалит Франклина"*. Все это было высказано года за три до появления "Вадима", поэтому понятно, что с подобной точки зрения и "Вадим" мог показаться *набатов*, как говорит митр<ополит> Евгений в своем словаре светских писателей. В настоящее время такие ужасные взгляды неприложимы к невинной трагедии Княжнина, ибо вообще "Вадим" не только не заключает ничего вредного, но даже восхваляет монархический принцип. Лица, запретившие пьесу, взглянули на нее крайне односторонне: они не хотели вникнуть в ее идею, а остановились на двух, трех стихах, показавшихся им резкими и "якобинскими", забывая, что не могут же все лица в пьесе говорить одно и то же и что мнимо резкие тирады ничего не значат при общем впечатлении пьесы, представляющей Рюрика благодушным властителем, снабженным всеми возможными добродетелями и спасителем Новгорода от необузданностей свободы, междоусобий и самоуправств. Будь "Вадим" напечатан раньше пятью, шестью годами, и он прошел бы, не возбуждив осуждения, как это было с трагедией Николева "Сорена и Замир", в которой, между прочим, есть стихи гораздо более резкие, чем в "Вадиме", напр<имер>:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле!
Льзя-ль ждать блаженства там, где гордость

на престоле?

Где властью одного все скованы сердца,
В монархе не всегда находим мы отца!**

Московский главнокомандующий гр<аф> Брюс запретил представление этой трагедии и донес о том императрице Екатерине, а она ответила ему, что этого делать не следовало, ибо "автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью". И велела кн<ягине> Дашковой напечатать трагедию Николева в "Российском Феатре" (ч. V, стр. 235—323).

Но это было в 1786 году.

Впрочем, подобные примеры не редкость: еще на нашей памяти не печатался до 1857 года один отрывок из "Новгородской повести Вадим" А.С.Пушкина:

Вадим

Ты видел Новгород, ты слышал глас народа:
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода,
Иль князя чуждого покорные рабы
Решились оправдать гонение судьбы?

Рогдай

Вадим! Надежда есть! Народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,

* Записки Храповицкого, в Чтениях Общества истории и древностей российских, 1862, кн. III, стр. 226—227.

** Сорена и Замир, стр. 292. Перепечатаны в "Русском вестнике", 1860, № 4, стр. 639 и в "Петербур<ургском> листке", 1865, № 146. Во всем "Вадиме" только и есть одно место в 4 стиха, несколько подходящее к резкости выпитых стихов из "Сорены", но более мягкое и уж никак не превосходящее их, именно в 4-м явлении 2-го действия: "Самодержавие повсюду" и пр. Эти 4 стиха были перепечатаны в записках С.Н.Глинки "Мое цензорство" ("Современник", 1865, № 9, стр. 221).

Досадуя, влачит покорный свой ярем.
Как иноземный гость, неведомый никем,
Являлся я в домах, на стогнах и на вече;
К пришельцам ненависть я зрел на каждой встрече.
Уныние везде: торговли шум утих,
Умы встревожены – и пламя тлеет в них.
Младые граждане кипят и негодуют.
Вадим! Они тебя с надеждой именуют...

Вадим

Безумные! Давно ль они в глазах моих
Встречали с торжеством властителей чужих
И вольные главы под иго преклоняли?
Теперь зовут меня, а завтра, может, вновь...
Неверна их вражда, неверна их любовь!..

В этих стихах нет решительно ничего противуцензурного и теперь невольно дивисься долговременному их запрещению.

Княжнин написал свою трагедию в 1789 году и вот что рассказывает о ней сын автора*, трагедия была отдана для представления на театр и уже были розданы роли: Плавильщикову – Вадима, Шушерину – Рюрика, Барановой – Рамиды, но вскоре началась революция во Франции и Княжнин сам увидел, что пьеса его приходится не ко времени. Он взял ее назад, и она пролежала у него в кабинете, на письменном столе, до самой смерти. 14 января 1791 года он умер. Имение, по молодости детей, поступило под опеку зятя Княжнина – псковского помещика П.Я.Чихачева. Отыскав между рукописями покойного трагедию "Вадим", комедии "Чудаки", "Траур", оперу "Мужья – женихи своих жен", поэму "Попутай" и пр., Чихачев все это продал книгопродавцу Глазунову за 200 р. Княгиня Дашкова, узнав об этой покупке, вытребовала рукописи от Глазунова и, рассмотрев их, возвратила для представления в цензуру, но "Вадима" удержала у себя и немедленно передала в академическую типографию. Отпечатанную трагедию** она пустила в продажу и в то же время поместила ее в 39-й части Российского Феатра***. В первые десять дней трагедия раскупалась медленно, но потом в два, три дня было продано несколько сот экземпляров****, ибо узнали, что граф Салтыков (конечно, не сам, но по чьему-то указанию) нашел в ней что-то предосудительное и представил императрице. Екатерина, встревоженная французской революцией, "обратила более внимания на выражения Вадима и его двух товарищей, чем на слова рассудительного и благотворного Рюрика". Она приказала конфисковать трагедию, отобрать раскупленные экземпляры у кого окажутся и все сжечь. Ал<ександр> Як<овлевич> и Б<орис> Як<овлевич>, два старшие сына Я.Б.Княжнина, служившие

* Еще о Княжнине и его трагедии "Вадим" В.Я. (тоюнина. "Русский вестник", 1860, № 10, стр. 103–108 (Современная летопись)).

** Вадим Новгородский, трагедия в стихах в пяти действиях, сочинена Як. Княжниным. В Санктпетербурге, при Императорской Академии наук, 1793 г. В 8-ю долю листа, 73 стр.

*** Российский Феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Часть XXXIX. В Санктпетербурге, при Императорской Академии наук, 1793 г., 286 стр. (Вадим занимает стр. 123–195).

**** Этим можно объяснить, почему печатные экземпляры "Вадима", хотя и очень редко, но все-таки встречаются в продаже. Принадлежащий мне экземпляр издания 1793 г., с которого печатается нынешнее, куплен мною не более 5 лет тому назад, а в прошедшем году продавался еще один экземпляр.

сержантами в Измайловском полку, были вытребованы генерал-прокурором гр<афом> А.Н.Самойловым, который по приказанию Екатерины должен был узнать от них: действительно ли "Вадим" писан их отцом, а не кем-нибудь другим, только выдавшим трагедию под именем покойного? Удостоверившись, что трагедию написал Княжнин, Самойлов спросил: не читал ли он эту "богоотступную" пьесу кому-нибудь? Дети Княжнина указали на Н.Ф.Эмина и В.В.Ханыкова и были тотчас отпущены.

Эмин и Ханыков были допрошены, а потом был взят под стражу книгопродавец Глазунов и вытребован из деревни Чихачев, для объяснений. Они оказались совершенно неповинными и немедленно отпущены.

Княгиня Дашкова рассказывает историю напечатания Вадима несколько иначе, и нам кажется — вопреки установившемуся мнению, — что рассказ ее имеет менее вероятия. Она скорее оправдывается, нежели излагает дело. Недаром, видно, Б.Я.Княжнин заметил, что, печатая Вадима, "княгиня Дашкова была чем-то недовольна государыней, которая не всегда находила для себя удобным исполнять ее требования"* . Княгиня, видимо, увертывается, группирует факты по своему усмотрению, освещая одни и преднамеренно затемняя другие, как это встречается во многих местах мемуаров этого "семинариста в желтой шали и академика в щепе"

Вот что рассказывает княгиня:

"Вдова одного из наших знаменитых трагиков (Княжнина) просила меня напечатать в пользу ее детей последнюю трагедию мужа, еще не изданную в свет**. Эта просьба была представлена мне одним из советников академической канцелярии (Козодавлевым); я сказала ему, что с моей стороны не будет никакого препятствия, если он просмотрит пьесу и поручится мне, что в ней нет ничего противного нашим законам или религии, — и тем охотнее я поручила ему эту рецензию, что он был совершенный знаток отечественного языка и очень строгий судья в цензурном отношении.

Козодавлев доложил мне, что трагедия основана на историческом событии, происходившем в Новгороде, что в ней нет ничего предосудительного ни по мыслям, ни по языку и что развязкой пьесы служит торжество монарха над покоренным Новгородом и бунтом.

На основании этого доклада я приказала напечатать трагедию (Вадим), сколь возможно больше облегчив расходы бедной вдовы. Нельзя не изумляться, каким образом эта ничтожная вещь могла поднять такую нелепую суматоху при дворе.

Граф Иван Салтыков, целую жизнь не читавший ни одной книги, понаслышке от кого-нибудь утверждал, что трагедия, будто бы прочтенная им, очень опасного содержания для настоящего времени, и под влиянием этого побегал к фавориту, чтобы сообщить ему свое мнение.

* Русский вестник, 1860, № 10, стр. 105.

** Кн<ягиня> Дашкова ошибочно относит это событие к 1796 г., замечая, что оно случилось через полтора года после увольнения со службы ее брата в 1794 г. Вадим издан в 1793 г.

Не знаю, читала ли ее Екатерина или Зубов*, но вскоре после того явился ко мне полицмейстер и очень вежливо попросил позволения войти в книжные магазины, принадлежащие академии, и, согласно с приказанием императрицы, отобрать все экземпляры трагедии, признанной, по мнению Екатерины, за очень опасное сочинение.

Я допустила его, заметив при этом, что едва ли он найдет хоть один оттиск, но так как эта пьеса помещена в последнем томе "Российского Феатра", издаваемого в пользу самой академии, то, если угодно, он может вырвать ее из книги**; затем я прибавила, что очень смешно считать опасным это несчастное произведение, которое на самом деле менее враждебно монархической власти, чем многие французские трагедии, представляемые в Эрмитаже.

После обеда Самойлов, генерал-прокурор Сената, пришел ко мне с выговором от императрицы за напечатание этого сочинения. Чего хотели — оскорбить или испугать меня этой цензурой, — я не знаю, но преследователи мои не успели ни в том, ни в другом. Я отвечала гр<афу> Самойлову очень холодно и твердо, выразив удивление, на каком основании императрица могла заподозрить меня в желании распространять что-нибудь враждебное ее интересам; и когда он сообщил мне намек Екатерины на произведение Радищева, с которым она сравнивала "опасную" трагедию Княжнина, я повторила, что лучше сравнили бы их, особенно последнюю пьесу, возбудившую с их стороны столько мести, с ходячими французскими драмами, представляемыми как на общественных, так и на частных театрах. Относительно либерального ее направления я просила принять во внимание, что она предварительно была отдана на просмотр одному из академических советников, прежде чем Княжиной было позволено печатать ее в свою пользу; поэтому я надеюсь, что мне не будут больше говорить об этом.

В тот же вечер я не замедлила навестить Екатерину. Когда я вошла в комнату, на лице ее, видимо, выражалось неудовольствие. Я подошла к ней и спросила о здоровье. "Все хорошо, — отвечала она, — но скажите, пожалуйста, что я вам сделала, что вы распространяете против меня и моей власти такие опасные правила?"

— Неужели вы считаете меня способной на это? — воскликнула я.

— Знаете ли, что я думаю об этой трагедии: ее надобно сжечь рукой палача.

* От императрицы княгиня получила, между прочим, записку такого содержания: "Недавно появилась русская трагедия "Вадим Новгородский", которая, судя по заглавному листу, напечатана в академической типографии. Говорят, эта книга очень едко нападает на авторитет верховной власти. Вы хорошо сделаете, если остановите продажу, пока я ее просмотрю. Доброй ночи. А вы читали ее?" (Ст<атья> Иловайского в Отеч<ественных> записках 1859 г., № 11, стр. 305).

** Полицейские так и сделали: они вырвали целиком 6 листов, не заметив, что при этом зацепили с пол-листа предыдущей и столько же следующей за Вадимом пьесы. Два экземпляра полной 39-й части находятся: у С.Д.Полторацкого и в Эрмитажной библиотеке, а жалкие остатки этой книги в продажу пущены только в 1857 г. Г.Иловайский говорит, что один иностранец в своих записках сообщает, будто произведены были обыски в частных домах и отобраны раскупленные экземпляры отдельных оттисков "Вадима" (Отч<ественные> зап<иски>, стр. 306).

Это выражение было вовсе не в характере Екатерины, и потому я с удовольствием заметила, что она говорила языком другого лица, руководившего моим мнением ее.

— Государыня, возразила я, если она будет сожжена палачом, то не мне придется краснеть за это. Ну, ради бога, прежде чем вы решитесь на поступок, столь несообразный с вашим характером, позвольте мне прочитать вам эту гонимую драму; вы увидите, что развязка ее именно в том духе, в каком вы и всякий приверженец вашей власти желали бы ее. В то же время прошу вас вспомнить, что, заступаясь за пьесу, я не автор и не заинтересованный издатель ее.

Дальше возражать было нечего, и потому разговор кончился. Затем императрица села за карточный стол и я последовала ее примеру. На другое утро я пришла с официальным рапортом к государыне и наперед решила доложить зауряд с другими и потом просить уволить меня от должности, если она не примет меня с обычным доверием, не допустит в свою туалетную "брильянтовую" комнату и не станет говорить со мной по-прежнему просто.

В приемной встретил меня Самойлов, только что вышедший из кабинета государыни; он шепотом заметил мне вести себя хладнокровно, ибо императрица покажется скоро, "кажется, она нисколько не гневается на вас", прибавил он.

Я отвечала обыкновенным тоном голоса, так чтобы слышали все окружающие: "Милостивый государь, я не имею особенного повода беспокоиться, потому что мне не за что упрекать ни себя, ни других; что же касается государыни, мне остается жалеть, если она сердится или подозревает меня. Впрочем, я так привыкла к несправедливости, что как бы она ни была велика, меня трудно удивить".

Вскоре за тем вышла императрица и, дав поцеловать руку своим утренним посетителям, обратилась ко мне и с обычной лаской сказала: "Очень рада вас видеть, княгиня! Пожалуйста, идите за мной".

Надеюсь, что читатели этих записок поверят мне и не упрекнут меня в тщеславии, если я скажу, что это ласковое приглашение было приятно мне не столько за себя, сколько за императрицу, потому что мне было бы больно в противном случае оставить академию и Петербург, что отнюдь не отнеслось бы к чести Екатерины.

Довольная тем, что цензурная безделица не разлучила меня с государыней, я едва вошла в следующую комнату, как, с жаром протянув руку, просила Екатерину дать мне поцеловать свою и забыть прошлое.

— Но согласитесь, княгиня...

— Да, да, государыня, — продолжала я, прервав ее речь и повторив русскую пословицу: "Серая кошка пробежала между нами; не зовите ее черной".

Императрица согласилась, что дело не стоило особенного внимания, и, засмеявшись, обратила разговор на другой предмет. Я осталась обедать при дворе и заметила, что на ее душе не осталось ни малейшего следа гнева. Обед шел очень весело; находясь в особенном припадке юмора, я, по-видимому, заразила им и Екатерину. Она от всего сердца хохотала при всякой ничтожной шутке, которые я расточала с редкой веселостью".

После приведенных рассказов сына Княжнина и Дашковой непонятно, каким образом могли составиться два предания: 1) будто княгиня за напечатание трагедии лишилась места президента академии наук, тогда как она удалилась из Петербурга через два года после этого события, и 2) будто Княжнин подвергся допросу Шешковского, вследствие чего впал в жестокую болезнь и умер*. О последнем обстоятельстве упоминает Бантыш-Каменский в своем "Словаре достопамятных людей русской земли", а знаменитый поэт наш А.С.Пушкин в своих исторических отрывках еще определительнее замечает, что "Княжнин умер под розгами". Откуда явилось такое сказание — решить трудно, ибо Княжнин, как сказано, умер 14 января 1791 года, а трагедия напечатана только в 1793 году и при жизни автора об ней разговоров не было.

Добавим еще, что трагедия Княжнина, собственно, *запрещена* не была и изъятие ее из продажи делалось весьма секретно. Генерал-прокурор гр<аф> Самойлов, сообщая московскому главнокомандующему кн<язю> Прозоровскому о допросе поехавшего тогда в Москву книгопродавца Глазунова и об отобрании у него непроданных экземпляров "Вадима", прибавлял: "Благоволите, ваше сиятельство, исполнить все оное с осторожностью и без огласки по данной вам власти, не вмешивая высочайшего повеления".

Так именно сделано было кн<язем> Прозоровским, который даже не отобрал сочинений Княжнина, о чем ему было тоже писано, "если в них окажутся подобно (Вадиму) нелепые изречения" или если и без таковых изречений покажутся сумнительны. "Гр<аф> Самойлов писал, что Глазунов повез в Москву 400 экземпляров "Вадима", но отобрано их было только 160 и только из книжных лавок, от публики же книга не отбиралась; ибо "продавалась по публикациям в газетах, и кто именно купил, неизвестно".

Самое дело об изъятии книги производилось до того медленно, что успела даже появиться рецензия на "Вадима", которая не была приостановлена, несмотря на преследование самой трагедии. Рецензия эта принадлежит А.Клушину и напечатана в журнале "С.-Петербургский Меркурий" 1793 года (ч. III, стр. 124—144, авг<уст>), издававшемся Клушиным вместе с И.А.Крыловым.

В последнее десятилетие в русской литературе упоминалось о "Вадиме" довольно часто. Наиболее замечательные статьи были помещены в "Отечественных" записках" и "Русском вестнике":

1) Екатерина Романовна Дашкова. Биографический очерк. 4 статьи Д.Иловайского. (От<ечественные> зап<иски>, 1859, № 9—12). О "Вадиме" подробно говорится в 3-й статье (№ 9, стр. 305—308).

2) Литературные труды кн<ягини> Е.Р.Дашковой. Статья А.Н.Афанасьева ("От<ечественные> зап<иски>", 1860, № 3).

3) Яков Борисович Княжнин и его трагедия "Вадим". Статья М.Н.Лонгинова ("Рус<ский> вест<ник>", 1860, № 4, стр. 631—650).

4) Еще о Княжнине и его трагедии "Вадим". Статья В.Я.Стоюнина ("Р<усский> вест<ник>", 1860, № 10, стр. 103—108).

* Это известие о смерти Княжнина недавно повторено в безграмотном издании г. Шигина: "Радищев и его книга" (Спб., 1869).

5) О Княжнине, также и о его трагедии см. в Истории русской словесности древней и новой А.Д.Галахова (Спб., 1863, т. 1, стр. 445—455).

6) Из розыскного дела о трагедии Княжнина "Вадим" ("Русский архив", 1863, № 5—6, стр. 467—473).

7) Записки С.Н.Глинки. В "Современнике", 1865, № 9, стр. 221.

НОВООТКРЫТАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕДКОСТЬ

Все дело, как читатель увидит ниже, идет только об одном печатном листе, появившемся при большой книге 172 года тому назад, но так основательно затерявшемся, что до сих пор его не было известно ни одного экземпляра.

П.П.Пекарский в своем прекрасном труде: "Наука и литература в России при Петре Великом" (Спб., 1862) указывает между прочими изданиями петровского времени *Алкоран о Магомете* и говорит:

"Экземпляры Публичной библиотеки и Каратаева не имеют особых заглавных листов, в лист, 350 нум<ерованных> страниц; на первых двух страницах: "О вере турецкой", с 3-й текст с выписанным выше заглавием. В первый раз книга эта показана под 1716, в Спб. в "Росписи Академии наук" (составленной около 1742—1747 гг.) между книгами гражданской печати в десятъ № 4. Сопиков (11, № 1926), повторяя то же о годе и месте печатания книги, прибавил, что она переведена с французского князем *Дмитрием Кантемиром*. Последнее известие не подтверждено ни одною биографиею этого лица, а в московском Архиве министерства иностранных дел (№ 148) есть рукописный перевод Алкорана, и там на последнем листе находим указание: "Переводил сию книгу Петр Постников". Этот перевод Постникова, с некоторыми поправками и изменениями, и напечатан при Петре Великом" (Пек<арский>, т. II, стр. 370).

Затем А.Ф.Бычков в своем "Каталоге хранящимся в Императорской публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом" (Спб., 1867), основанном исключительно на труде Пекарского, повторяет его указания, только в несколько сокращенном виде:

"Алкоран о Магомете. В лист<е>, 350 стр. Заглавного листа нет; две первые страницы заняты статьею: О вере турецкой; с 3-й стр. идет Алкоран о Магомете" и т. д. (стр. 134).

Таким образом, оказывается, что в Публичной библиотеке, куда поступили богатейшие собрания наших собирателей книг, Алкоран без заглавного листа, и полного экземпляра с этим листом П.П.Пекарский не мог найти ни в одном из частных или общественных книгохранилищ наших, которые он обозревал для своего почтенного труда. В течение 26 лет после издания этой книги и 21 года, истекшего с появления "Каталога" г. Бычкова, мы не встретили ни одного печатного указания на существование заглавного листа при "Алкоране" и только слышали от известного нашего любителя и собирателя книг Я.Ф.Березина-Ширяева, обладающего обширною библиотекой, что он видел, лет семь тому назад, полный экземпляр Алкорана, но не мог приобрести этой редкости, потому что владелец оценивал ее в 300 р.

Недавно мне удалось приобрести такой экземпляр Алкорана, и притом по гораздо более дешевой цене. Оказалось, что на обороте заглавного листа помещено предисловие, также до сих пор никому не известное за ненахождением самого заглавного листа.

Ввиду крайней редкости попавшейся мне находки сообщаю подлинный текст всего листа.

На передней стороне его напечатано:

Алкоран
о Магомете
или закон турецкий.
переведенный с французского языка на российский.
напечатан повелением
Царского
Величества.

(В самом низу после большого пробела).

В Санктпetersбургской Типографии, 1716 году, в месяце Декамврии.

На оборотной стороне, на самом верху поставлен крест между двумя типографскими украшениями, каких уже нет на прочих страницах книги, и непосредственно за этим напечатано:

"К читателю.

Сия книга разумеется от турков, Божии со Ангелами и с Магометом долгий совет, его же сей лживый пророк вымыслил весьма просто, ибо в разных местах сей книги производит, яко бы Бог с ним говорил и показывал ему свой закон. А по том яко бы Ангели и пророцы: чем чрезвычайнее не правое учреждают речение. По том вопиет противу идоложлобонников, а особливо противу жителей Мекки, и Коранев, которые были в те времена ему неприятели. И нарече сию книгу Алкоран то есть собрание закона, а инде именует Елкоран, то есть разделение добра от зла. И разделит ю на многие главы, которым положил имена, как ему на разум нашло. По тому тои многие главы нарекл, неприличные к материи, о нейже имел говорить. И те главы разделил на стихи, которые содержат порядок так фабульной, и простой, что без всякого охранения, и должного сложения. Сего ради благий читателю в сей книги обрящещи многие нескладности, и частое повторение о единых тех же вещах. Толкована была сия книга от многих учителей магометанских, и толкование их так смеху достойное, как и речение лживое. Ибо иные подлинствуют, яко бы оригинальной Алкоран написан на доске, которая сохраняется на небеси, и яко бы Ангел Гавриил с ней снесши список отдал Магомету, который не умел ни читать, ни писать. А нарицают его Пророком и Апостолом почтения ради. Обрящещи в сей книге некое, так безумное поучение, не вем, удивления ради, или паче слезного сожаления достойное, как в наилучшую часть света за прегрешения, такая мерзость произыде! и как такой мерзостный закон восприял бысть от слепоты человеческия!"

Этим оканчивается предисловие, а в самом низу страницы, вправо, крупно напечатано первое слово, которым начинается следующая страница, 1-я по счету нумерации, именно "О вере", что и показывает, что между новооткрытым заглавным листом и между известным введенным "о вере турецкой" никаких печатных страниц более не было.

Под этим общим заглавием мы намерены время от времени сообщать сведения о таких книгах, которые или крайне редко встречаются в продаже, или даже и вовсе не встречаются, или, наконец, не имеются ни в одном из общественных книгохранилищ и из частных, известных нам собраний.

На первый раз мы останавливаемся на таком издании, которое только через сорок лет после своего выхода поступило, да и то не в полном составе, в Публичную библиотеку.

1. "Живописная Россия".

В отчете императорской Публичной библиотеки за 1876 год (стр. 187) между прочим значится, что "по редкости, важности содержания или ценности примечательны, из числа приобретенных библиотекою, следующие книги", и затем на 4-м месте указано и подробно описано это издание: "Живописная Россия, или Историко-статистическая панорама Государства Российского, составляемая при содействии некоторых отечественных литераторов В. Филимоновым*". Издание книгопродавца А. И. Моргенрота. Спб., 1837—1838. Печатано (так значится на обороте заглавного листа) в типографии Х. Гинце. Периодическое издание очень редкое, потому что остановилось в самом начале. В первой тетради "Новгород. № 1", посвященной историческому очерку Новгорода и его земли, 2 нум<ерованные> листка и 14 нум<ерованных> страниц и 1 нум<ерованная>, содержащая изъяснение приложенного на особом листке плана Новгорода. Тетрадь 2-я, посвященная Казани, состоит, кроме заглавного листка из 2-х нум<ерованных> страниц, заключающих объяснение приложенного на особом большом листе плана этого города, и еще 2 нум<ерованные> страницы, из которых на первой находится объяснение издателя по поводу начавшихся уже тогда невзгод его издания, причем недостающий в настоящей тетради текст обещается выдать 1 декабря 1837 года, с выходом 3-й тетради, которая вышла, однако же, в 1838 году. Эта 3-я тетрадь состоит кроме заглавного листа из 8 нум<ерованных> страниц обещанного для 2-й тетради текста, карты Рязанской губернии, без всякого к ней объяснения, и из 1 нум<ерованного> листа.

По мнению Г. Н. Геннади, более трех тетрадей этого повременного издания не выходило ("Русские книжные редкости". Спб., 1872); положительным основанием (?) к этому предположению служит объяснение в конце 2-й тетради, в котором издатель, оправдываясь в невыходе текста этой тетради медленностью печатания и общая принять против этого меры, говорит: "Виды, планы и прочие изображения будут помещаться по мере приготовления и доставления их. Впоследствии, будучи согласованы с историческим и статистическим очерком этой панорамы, они могут быть распределяемы сообразно с общим систематическим планом всего сочинения". Из этого же объяснения видно, что экземпляр "Живописной России", принадлежащий библиотеке и виденный г. Геннади у

* В числе этих сотрудников был нынешний непререкаемый секретарь Академии наук почтенный К. С. Веселовский.

Д.В.Поленова, оба неполны, ибо в 1-й и 2-й тетрадах *должно было* находиться по пяти видов и по одному плану. О содержании же 3-й тетради и о приложениях к ней *можно заключить* по следующим на ее заглавном листе строкам: "Замок Венден. Остатки древней крепости в Якутске. Национальные костюмы крымских татар. Евпатория (Козлов). План губ<ернского> города Твери. Карта Рязанской губ<ернии> и очерки Казанской губ<ернии>". «*Были ли действительно приложены* к 3-й тетради все эти виды и прочее — *неизвестно*, но текст в экземпляре библиотеки, *видимо, неполный*, так как он прерывается на полуслове „решитель...”» <...>

Во всех предположениях и Публичной библиотеки, и г. Геннади верны только выписки с обложек издания, а из всего приведенного рассказа оказывается только, что "Живописной России" известно *два* неполных экземпляра — в Публичной библиотеке и у г. Поленова. <...>

Нам попался *третий* экземпляр, более полный: 4 тетради с обложками, текстом и всеми рисунками и пятая только с рисунками без текста и печатной обертки, а так как в течение нашей многолетней "охоты за книгами" нам не встречалось ни одного лишнего рисунка и ни одной страницы текста, кроме имеющихся у нас, то и полагаем, что едва ли было издано что-нибудь сверх того, что мы теперь опишем (далее следует подробнейшее описание на 2 страницах).

А.Н.АФАНАСЬЕВ

Некролог

Больше полугодя прошло со дня рановойременной смерти Александра Николаевича Афанасьева, одного из наиболее почтенных тружеников русской науки, одного из честнейших и благороднейших людей, а между тем многочисленные "ученые" друзья покойного не дали до сих пор сколько-нибудь связного биографического его очерка. Несколько теплых, задушевных слов сказаны были не этими друзьями покойного, а человеком ему далеким, очень мало знакомым с ним, М.Ф.Де-Пуле (С.-Пет. ведомости, № 298, окт. 29). Даже простое известие о смерти Александра Николаевича появилось едва ли не через месяц после кончины его и было предварено заявлением иностранной печати, скорее, чем русская, обратившей внимание на эту тяжелую потерю для нашей науки и литературы. В английском журнале "The Academy", издании серьезном и очень скупом на некрологи, отводящем для них место только в случае смерти особенно видных деятелей науки, появился целый столбец, посвященный известию о кончине А.Н.Афанасьева. Вот что напечатал W.R.S.Ralston в этом журнале, от 1 ноября (20 октября) 1871 года, № 35, стб. 491:

"Несколько недель тому назад русская литература лишилась одного из наиболее достойных своих деятелей. Преждевременная смерть Александра Афанасьева оставляет в рядах славянских ученых пробел, не легко пополняемый. Есть имена более известные в русских литературных и ученых кружках, чем было или когда-нибудь было бы известно имя Афанасьева, но в специальной области его деятельности никто его не

превосходил. Как собиратель и комментатор русских народных сказок он не имел соперников и никто не сделал для общей пользы так много, как он, в деле исследования богатого собрания легенд и песен, превосходно сохранившихся у славян, которыми, однако, до недавнего времени так мало пользовались. Я получил из России еще только простое известие о его смерти, поэтому набрасываемый мною очерк его жизни и трудов будет крайне неполон, но мне хочется сказать хоть несколько слов о таком почтенном и честном ученом.

Александр Николаевич Афанасьев родился 21 июля 1826 года, учился в Московском университете, а потом жил постоянно в Москве и занимал там должность секретаря городской думы. Несколько времени тому назад он, кажется, отказался от этого места, принявши на себя или готовясь принять обязанность мирового судьи, в новом учреждении. Но нас более интересует деятельность его как критика и компилятора, что и было настоящим его призванием. Мы считаем излишним приводить полный список его разнообразных сочинений и скажем только, что этот в высшей степени трудолюбивый писатель сообщал в русские журналы, газеты и сборники огромное количество критических статей, отличавшихся большими достоинствами, по истории, археологии и славянской литературе, в особенности же о России. Два наиболее важные из его сочинений, на которые мне хочется обратить особенное внимание, это его собрание "народных сказок" и полный, исчерпывающий свой предмет трактат "О поэтических воззрениях древних славян на природу". Первое из этих изданий, озаглавленное "Народные русские сказки", было окончено в 1863 году и появилось в 8 частях, которые в переплете составляют 4 больших тома. Они заключают в себе целый ряд рассказов, заимствованных из уст русского крестьянина, и изданы крайне добросовестно, так как везде, где представлялась возможность, указываются имена тех лиц, которые сообщали ему эти рассказы, а равно приводятся и названия местностей, в которых они были записаны. К каждой части издатель присоединил критические примечания, чрезвычайно важные и заключающие в себе те результаты, к которым он мог прийти, благодаря своей обширной начитанности на многих языках и специальному знакомству с славянским народным творчеством и мифологиею.

Выше всяких похвал другое его сочинение: "О поэтических воззрениях славян на природу". Это богатый рудник для всякого, кто желает изучить настоящий предмет, узнать множество легенд, рассказываемых в разных славянских землях о небе и земле, солнце и луне, о горах и реках, громе и ветре; кто желает составить некоторое понятие о той точке зрения, с которой древние славяне глядели на жизнь и смерть; кто хочет ознакомиться с понятиями славянских крестьян нашего времени об окружающей их физической природе и о том духовном мире, какой они себе представляют. Третий том этого, наиболее ценимого нами труда и учености Афанасьева был окончен только два года тому назад. Передо мной лежит экземпляр этого тома, подаренный им мне в прошлом году в Москве. Я провел с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всею ее

обстановкою была именно в том роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного ученого — повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд. Да и самую личность своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках или же кроющиеся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менее. В то время, как я его видел, он казался исполненным жизни и сил; в его наружности не было никаких признаков слабости или недуга, которые бы грозили ему смертью, а между тем он умер около сорока шести лет от роду”.

Передав читателям этот очерк, считаю нужным сделать незначительные оговорки. Афанасьев, по окончании курса в университете, служил с 1849 по 1862 год в московском Архиве иностранных дел. Это было лучшее время его литературной деятельности. Список его сочинений, статей и изданий, преимущественно за это время (напечатан в № 11-м “Русского архива” 1871 г.), представляет до 150 названий, а ни одна статья или даже заметка Александра Николаевича не была лишена научного значения и интереса. В 1862 году, благодаря назойливости г. Кельсиева, неожиданно-негаданно на несколько минут появившегося к Афанасьеву, он должен был оставить службу, и с этого года началась тяжкая для него эпоха, в которую было не до литературных трудов и занятий, а шло дело о куске хлеба для себя и семьи. Большая часть мнимых друзей его исчезла бесследно; литературный труд не оплачивался; каких-либо даже частных занятий он найти не мог, по не зависевшим от него причинам. Долго крепился он и все-таки не покидал своих любимых работ; драгоценная библиотека его была сложена где-то в сарае, ибо не умещалась в тесной квартире; наконец, он вынужден был и ее продать. У нас, где тысячи платятся любителями за негодных эльзевиров и турецкие рукописи, не нашлось покупателя для превосходно составленной библиотеки, наполненной редкостями, которых не найдешь ни за какие деньги. Эти-то редкости пошли прежде всего в продажу порознь, а потом таким же образом распродавались и другие более ценные книги и издания. После целых годов лишений и после долгих стараний удалось, наконец, Афанасьеву получить место секретаря в думе, с небольшим жалованьем. Отсюда он перешел, через год или два, секретарем в мировой съезд, и хотя здесь содержание было немного больше, но зато делом он был, как говорится, завален; в приезды мои летом в Москву я редко находил его дома, но утром, в середине дня и вечером постоянно мог найти его в помещении съезда. В последние два или полтора года чахотка быстро разрушила его организм. В это время он предполагал баллотироваться в мировые судьи и для “ценза” приобрел дом, о котором говорит Ральстон, дом дешевый и кушанный наполовину в кредит. Впрочем, кажется, за несколько месяцев до смерти Афанасьев оставил свое намерение, получив частное место более спокойное и с хорошим содержанием. Но болезнь уже сделала свое дело, и честный труженик успокоился — в могиле. Посланный врачами на кумыс, он уехал из Москвы в конце мая или в начале июня, а возвратился в

последних числах августа совсем большой, и 23 сентября его уже не стало. Как человек Афанасьев отличался крайней прямою, честностью и добродушием; таких людей, как он, редко приходится встречать. Как ученый, он превосходил многих, которых имена пользуются большей против него известностью... Заметку нашу мы кончим знаменательными словами Де-Пуле: "Было горемычное положение для наших университетов — неоткуда было взять профессоров. Набрали кое-как и кое-кого, но обошли Афанасьева, который был бы украшением кафедр русских древностей, литературы, истории, даже славянских наречий. Известный ученый, сидящий в Думской канцелярии и продающий из крайней нужды свою библиотеку, — и одновременно выгодно и прибыточно шествующие по проложенной им тропе разбогатевшие и разжиревшие посредственности полужнания!"

М.Д.ХМЫРОВ

Некролог

В понедельник 27 ноября прошлого 1872 года, в половине девятого утра, умер в Петербурге Михаил Дмитриевич Хмыров, один из неутомимейших тружеников русской науки.

Он родился 1 сентября 1830 года в с. Локотки Глуховского уезда Черниговской губернии и воспитание получил в 1-м Московском кадетском корпусе, откуда был выпущен в июне 1848 года, в числе лучших воспитанников в Лейб-гвардии Измайловский полк. Еще в корпусе он начал писать стихи, и одно или два из его стихотворений были напечатаны в то же время. Служебные занятия отвлекли его от литературных, но, когда в 1851 и 1852 годах на него было возложено исполнение обязанностей репетитора математических наук при первом Московском кадетском корпусе, он получил более досуга для чтения и в то же время положил начало своей библиотеке. Задумав написать историю полка, в котором служил, Хмыров получил в 1858 или 1859 году доступ в полковой архив (впоследствии ему сделались доступными архивы артиллерийский, инженерный, Московский генерального штаба и наконец Горного департамента).

С того времени Хмыров всецело предался научным занятиям, выполняя при этом недостатки первоначального своего образования и накопая массу знаний и фактов, которыми радушно делился со всеми, к нему обращавшимися, и которые сделали его самого живою энциклопедиею. Однако занятия в архивах были причиною того, что он в 1861 году вынужден был оставить службу и искать средств к существованию для себя и семьи в одном только литературном труде, который, к сожалению, оплачивается у нас плохо. [Далее следует перечисление научных трудов М.Д.Хмырова.] Много статей Хмырова находится также в VI томах Энциклопедического словаря 1861—1863 годов <...> Здесь же, кстати, скажу, что почти все биографии во 2-м томе "Портретной галереи" Мюнстера написаны Хмыровым и что ему же принадлежат биографические очерки шутов Д'Акосты, Педрилло, Кн'язя А.М.Голицына (Кульковского) и многие примечания к изданной им вместе со мною

в 1869 году шутке: "Полное и обстоятельное собрание анекдотов четырех шутов", где мы с покойником, не пощадив и самих себя, хотели поострить над излишней любовью к "примечаниям" и "методам исследования" некоторых из современных деятелей нашей литературы. <...>

В заключение должно упомянуть о составленной им библиотеке, подобной которой не было, да, наверное, можно сказать, и не будет не только в России, но и за границей, ибо надо много знания и много любви к делу, чтобы решиться на такой *подвиг*, которым задался Хмыров при составлении своего собрания. С неутомимой энергией покойный в течение с лишком 20 лет употреблял скудные свои средства на покупку *всех* без исключения русских альманахов и периодических изданий, журналов и газет (включая губернские и епархиальные ведомости) от начала современной прессы в России и собрал таким образом более 12 000 номеров одних только журналов*. Все покупаемое он тотчас заносил в алфавитные книжки, чтобы знать, что у него есть, и затем он разрезывал альманахи, журналы и газеты на отдельные статьи, отмечая на них номер и год издания в систематическом порядке по предметам, о которых говорится в статьях. В случае, если одна статья оканчивалась на обороте другой страницы, то недостающий конец списывался, а если статья заключала несколько сведений, относящихся к разным предметам, то на нее делались ссылки и подкладывались в соответственные папки. Подобного рода библиотеку, при недостатке у нас не только толковых, но и каких-либо "указателей" к периодическим изданиям, конечно, можно назвать драгоценною. Хмыров делился ею охотно со всеми, несмотря на то, что обращавшийся к нему иногда вовсе не был ему известен. В этой-то библиотеке каждый мог найти *все*, что было писано в русских повременных изданиях об интересовавшем его предмете; желающий, например, получал целую папку о саранче, другой о свекловице, третий о книгопечатании, о типографском или военном деле, об Испании или о Владимирской губернии, об Ивановской колокольне в Москве или о храме Св<ятого> Петра в Риме, о коннозаводстве или о снегире и т.п. Словом, всякий находил у него все, что ему надобилось. Такой библиотеки теперь и составить нельзя за исчезновением многих журналов и газет из продажи, особенно после пожара Петербургской толкучки. Материалы для биографического словаря русских людей в библиотеке Хмырова просто изумительны (они положены по алфавиту фамилий), а генеалогической книги, по нашему мнению, никакой невозможно и издать порядочно, не обратясь к собранию Хмырова. Мы не говорим уже о его *записных книжках*, без которых он *никогда* не читал *ни одного* архивного дела и ни одной книги, а читал он почти все, появлявшееся в печати, особенно не пропускал ничего по русской истории, по истории литературы, этнографии, статистике и пр. *Каждое* имя, встречаемое им в деле или в книге, каждый выдающийся факт он немедленно записывал в свои алфавитные книжки, с указанием на источник, так что, нередко обращаясь к нему с вопросом о ком-либо из русских писателей, мы получали от Хмырова, из папок, статьи об этом писателе

* Он собирал также французские и немецкие журналы, но это уже было для него делом второстепенным.

(биографические, библиографические и критические), и в дополнение он сообщал еще из записных книжек о том, в каких книгах и изданиях или в архивных делах (как, например, о В.И.Лукине) упоминается об этом писателе, и если такие упоминания были немногословны, то в "книжках" Хмырова они были выписаны целиком.

Неужели же такая библиотека не найдет покупателя и должна будет пропасть на толкучке и пойти вразброд? А пожалуй, это и случится, ибо заранее можно сказать, что напр<имер>, Публичный библиотека наша ее не купит*, ведь это не куфические кораны, не негодные эльзевиров, не хивинские или еврейские рукописи, которыми так не по разуму дорожит наше книгохранилище, скупая их за огромные деньги и жалея их на покупку редких собраний, какими были, напр<имер>, уже погибшие ныне собрания А.Н.Афанасьева, И.П.Сахарова и даже Н.Г.Устрялова. Жаль, если пропадет это собрание, как пропала без исполнения и заветная мечта собирателя: составить полную *энциклопедию отчизноведения*. Эту мечту он лелеял всю жизнь, к исполнению ее приспособил и самое собрание, но поддержки нигде и ни в ком не нашел, и все дело ограничилось составлением программы и плана этого издания, найденных по смерти покойного в его бумагах.

Закончив на этом с официальной, если можно так выразиться, стороною некролога, я должен сказать несколько слов о дорогом товарище как о человеке. Он был добр, прямодушен, готов на всякую услугу; в убеждениях своих был тверд, не менял их и не скрывал, так что каждый мог знать, с каким человеком имеет дело и смело на него положиться в случае нужды. Вместе с этим он был, однако, человеком крайне непрактичным во всем, что касалось его *личных* интересов, и часто терял там, где другой на его месте мог только выигрывать. Впрочем, такой недостаток может служить только в похвалу покойному, хотя, благодаря именно этому свойству, он всю жизнь провел бедняком и кончил ее в горькой нужде. Особенно тяжело для него было последнее лето, когда сделанная им работа осталась неоплаченной и ему грозило лишение его единственного сокровища, на которое он положил всю жизнь, — библиотеки. В безвыходном положении, не найдя *нигде* помощи, он обратился уже не ради себя, но ради спасения своего собрания к одному из старейших наших литераторов-издателей, с которым лично даже не был знаком, — и тот помог ему значительною суммою, по первому же заявлению и почти накануне грозившей беды. Надломленный, измученный организм не вынес, однако, потрясения, и через несколько дней после того Хмыров заболел и уже не вставал с постели. В это время была оказана ему помощь и со стороны общества литературного фонда, которая вся ушла на лечение, и Хмыров умер, оставив семье рубль денег из полученного вспомоществования да честное, доброе имя.

1 декабря тесный кружок знакомых и родных проводил покойного в его последний путь, но долго он будет жить в памяти близких ему

* Могут, пожалуй, заметить, что все, бывшее в собрании Хмырова, есть в Публичной библиотеке и притом в *целом, неразрезанном виде*. Но в том то и дело, что по этим *целым* изданиям потребуются, например, не менее пяти лет усиленного труда, чтобы восстановить хотя бы одного Бантыш-Каменского с теми поправками, которые уже имеются у Хмырова.

людей, и долго еще они будут вспоминать его с любовью и уважением, которых он вполне заслуживал.

ЕФРЕМОВ В "ИСКРЕ"
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА ЮРКЕВИЧА

Примечание

Не могу не заметить, что, на мой взгляд, есть три рода книг: 1) такие, которых невозможно иметь в своей библиотеке, как излишний, угрожающий ее хлам, но которые тем не менее иногда могут понадобиться для справок; 2) такие, которые должны быть в каждой порядочной библиотеке, и 3) так называемые *редкие* книги, которых нигде нельзя достать, несмотря ни на какие старания, так что за ними по необходимости надо обращаться в Публичную библиотеку. Но именно выдачею этих-то книг она и стесняется, легко снабжая книгами двух первых отделов, которые без затруднения можно найти и в частных библиотеках для чтения, заплатив только гривенник за прочтение. Неужто библиотека и в наше время, в 1913 году, смотрит на всех своих читателей как на хищников и книговредителей? Едва ли найдется такой из тысячи один: 999 *невинных* страдают за одного *подозреваемого*! Кажется, достаточною гарантию служит ей удержание у читателей головных покровов и верхней одежды, которые не возвращаются без предъявления ярлыка, доказывающего, что читаемые книги сданы в исправности. Если (чего боже сохрани) и окажется хищник и книговредитель — пусть на первый раз прогуляется по Петербургу без шляпы и без верхней одежды, что особенно чувствительно при санктпетербургском климате, где 10 месяцев осени и 2 месяца зимы составляют обычную смену 4 времен года. (Подпись: Псевдоним.)

ИЗ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

<...> В январе нынешнего года <...> скончался известный всей России Козьма Петрович Прутков. <...> Богатая и разнообразная библиотека покойного уже появилась на торжище. Я сам купил на Апраксином дворе толстую рукопись in quarto, в 500 с лишком страниц, с пометою "Из книгохранилища Козьмы Пруткова. — Досталась после деда моего премьер-майора и кавалера Федота Кузьмича Пруткова". Внизу прибавлено: "Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное". Рукопись эта имеет заглавие: "Всю, или Собрание разных сочинений, выходящих и прежде вышедших и могущих выйти, а также находящихся в разных ежемесячных и других повремениных изданиях, писанные собственною моею рукою. В Санктпетербурге". Целый отдел неоконченного (*l'inachevé*) дает повод предполагать, не написана ли эта рукопись самим дедушкою Козьмы Петровича, хотя этому противоречит то обстоятельство, что ни одна из помещенных в ней статей не напечатана Козьмою Петровичем Прутковым, чего бы он не упустил сделать, если б статьи были написаны его родственником. По слогу судить нельзя, ибо слог премьер-майора и кавалера Федота Кузьмича Пруткова имеет боль-

шое сходство со слогом одного современного нам писателя, которого юбилей праздновался в недавнее время. (Подпись: ФИМ.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ

№ 5. Званию несоответственное непостоянство

Михаила Дмитриевича Чулкова кухарь Тихон, нравов будучи грубых, но истинно преданный своему господину и в грамоте не безыскусный человек, а как имел он по кухарскому своему званию презавидливый и стяжательный характер, то, купив весом с десь исписанной бумаги для печения на оной пирогов, заприметил в ней написанными творения господина покойного статского советника Михайла Васильевича Ломоносова, почему и господину своему предлагал ту бумагу весьма дорогой ценою, приговаривая, что-де и академическая канцелярия без сих бумаг, как мне-де господин Феодор Козельский сказывал, сочинения господина Ломоносова печатать уже не может, ибо иные мне рукописно принадлежат. Удивился господин Чулков столь странному в кухаре своем непостоянству, званию его несоответственному, и сказывают вовсе его за сие от занимаемого им тогда его места отставил.

№ 6. От несмотрения прибиток

Как проживающий в Москве при Архивах знатный по исторической науке господин профессор Федор Иванович Миллер, имея весьма великое и из редких книг и рукописных сочинений состоящее книгохранилище, намеряясь же оное за большие деньги продать, опись его племяннику Василию Кирилловичу Тредиаковскому Силе Кротконосову поручивши, по счету оную сдал. То сей, многое и прередкое выкрав, соответственно исторической науке по напечатанной росписи Любия, Гария и Попова, историю о Полиционе, о Францыле Венециане и подобными ж историями подменявши и по счету сдав, сказывают, господин Миллер до конца жизни свое книгохранилище в целости почитая, сей же немалый прибиток себе получил. (Подпись: Иван Маслов.)

ОТ ИВАНА МАСЛОВА О КНИГЕ «АНЕКДОТЫ 4 ШУТОВ»

В предпрошедший четверток получил я по городской почте некоторое историческое сочинение под титулом: "Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов. Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковского. В 4 частях. Собрано и в порядок приведено четырьмя увеселительными сочинителями: Никитою Тихорьловым, Гурием Тупорьловым, Варсонофием Острорьловым и Георгием Книжником, на иждивение Сергия Шутинского, с замечаниями Михайла Смеевского, Михайла Хмурова, Владимира Ежова и других книжников и грамотеев". На задней же оная книги обложке изображено, что оная "продается в Семеновском полку, на самом уголку, в сотой роте, на повороте; спросить дворника Никиту Безрьлова и издателя Гуся Бескрылова". Но сие неверно, ибо из газетных объявлений вычитал я, что доподлинно продается оная на Казанском мосту у книгопродавца Василия Федорова, по рублю; что, немало меня в мыслях смутив, признаю оную книгу отнюдь не

исторической, но за кривую увертку. Хотя бы приложенное к полученной книге письмо, исторические труды мои выхваляя, и сам я в примечаниях к оной не без похвалы поставлен, сумлеваюсь в намерении печатавших ее троих господ Разнорыловых и одного Георгия Книжника с Сергием Шутинским, почитая оную за пародию на важные исторические труды знатных по исторической науке сочинителей наших.

ИЗ ПИСЕМ

1. С.И.Пономареву. Из Петербурга в Полтаву, 18 января 1868 г.

<...> Вообще редкие книги я собираю все, и много есть у меня известных в 2–3, а иногда и в 1 экземпляре и даже не выходявших из тип<ографии>, как пожертвованная мною в Пуб<личную> библиотеку "Полярная звезда", печатавшаяся на 1826 год (во время бунта 1825 г.), о чем и изображено в отчете Пуб<личной> б<иблиотеки> за 1866 год. Книг у меня много, так что они беремят уже и ежегодно отсылаю их в Москву, где после отца осталось до 10 т<ысяч> названий. Отошлешь, а глядишь – понадобятся – и нет.

2. С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 6 февраля 1882 г.

Перебирая свои книги, я вспомнил об вас, многоуважаемый Степан Иванович, как об их страстном любителе. Оказалось, что у меня есть дублеты, или случайно купленные в массе, или по забывчивости. Они не хитры – хорошие книги помнишь, – но и не такой вздор, чтобы бросать, напр<имер>: "История Л<ейб>-гвардейского кирасирского полка", где говорится о предках Лермонтова, "Истор<ия> юнкерского училища", где о самом Лермонтове, оттиски переводов библии Макария из "Православного обозрения", кое-какие оттиски и т.п. Если желаете и имеете место, я с большим бы удовольствием препровождал вам, по мере того, как будет попадаться в руки <...> Итак, если не брезгаете, то сообщите – исполнять ли высылку дублетов, не отличая добра от зла, или по выбору только, и вообще надо ли вам это?

3. С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 22 февраля 1888 г.

<...> На ваш вопрос о малорусских уроженцах должен сказать, что у меня шкафа 4 снизу до потолка полны папками с вырезками из газет и журналов, но в алфавитном порядке, да комнаты 4 завалены книгами не только по стенам, но и на полу кучами. Где уж тут искать? Были бы вы здесь – все к вашим услугам <...> Через 1½года выслужу пенсию и в Москву, на покой "библиографический" – к Сухаревой, Смоленскому, Никольской, Панкратьевскому пер., Ильинской площади etc., иде же есм аз духом.

4. С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 13 марта 1888 г.

<...> Венгеров мои папки берет по мере надобности – я в них и в собрании портретов никому не отказываю, и Ровинский дивился моим знакомым, что я без всякой опаски (чего же бояться?) давал ему на дом всю свою очень большую коллекцию портретов без срока и расписки (какая же тут расписка?).

5. С.И.Пономареву. Из Петербурга в Конотоп, 17 апреля 1888 г.

<...> В прежнее время я на Пасху всегда приезжал в Москву, но теперь не к кому. И в доме, вами упомянутом, живут чужие люди, и

заведует им чужой человек, по знакомству; только книги мои да картины свалены в сарай за замок да, может, уже и раскрадены наполовину, как это случилось с книгами отца, сваленными после его смерти (1856) в тот же сарай. Ну, да Христос с ними.

6. *А.Н.Пытину (в Петербурге), 17 января 1902 г.*

<..> Книг и коллекции картин мне не позволили внести в квартиру, чтобы не провалить пол, и я вынужден был поместить их в особо нанятом сарае, и так как сырость и крысы прежде всего грозили картинам, то я и продал Фельтену нимало не медля. Но книг было жаль, и думаю, что в ящиках (они не распакованы) пострадают верх, низ и бока, но хоть нутро сохранится. Несмотря на все старания и полученные обещания, никакой кладовой для них я еще не отыскал, так что, пожалуй, и книги придется продать прямо из сарая все ящики или вразброд, по пяти, по десяти, какие попадутся наугад, не вскрывая. Не знаю, согласятся ли на такую лотерею, а тогда уж и не знаю, что делать; хлопотали за меня <В.Е.>Якушкин и <Н.М.>Лисовский у академиков – не найдется ли угла, да так ничего нет. Ни у Суворина, ни у Глазунова тоже нет места, а кладовых в рынках свободных тоже нет. Указывают Калашниковскую пристань, но ведь далеко и крыс по соседству хлебов, пожалуй, не оберешься. Внес только 2 шкапа украдкою, а 82 ящика в 953 пуда (по накладной) в сарае, и даже ключи мне не дадены, а оставлены у управляющего, в предотвращение контрабандного вноса. С книгами я без книг, по Пушкину надобны (?), только приходится покупать снова, да и того не купишь, что надобно и что погребено в сарайных ящиках.

Собиратели книг в России

Москва «Книга» 1988

ББК 76. 106
С 54

Составитель
Л.М.Равич

Рецензент
А.Э.Мильчин

Художник
В.А.Корольков

Составитель
Любовь Моисеевна Равич
**СОБИРАТЕЛИ КНИГ В РОССИИ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА.**

Зав. редакцией Т.В.Громова
Редактор Н.В.Дашковская
Художественный редактор Н.Г.Пескова
Технический редактор А.З.Коган
Корректор В.А.Коротаева

ИБ 1633

Сдано в набор 13.08.87. Подписано в печать 11.01.88. А 01904. Формат 60x88/16.
Бум. офс. № 1-70 г. Гарнитура Пресс-Роман. Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,13.
Усл. кр.-отг. 18,13. Уч.-изд. л. 23,92. Тираж 20 000 экз. Заказ № 576. Изд. № 4487.
Цена 1р. 80к.

Издательство "Книга", Москва, 125047, ул. Горького, 50.
Набрано на композере в изд-ве "Книга"
Отпечатано в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли
129041, Москва, ул. Б.Переславская, 46.

С 450300000-023 9-88
002 (01) -88

© Издательство "Книга", 1988

ISBN 5-212-00030-0